ТРЕТИЙ ГОД ИЗДАНИЯ

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ

ИСКРА

„Изъ искры возгорится пламя!“...
Отвѣтъ декабристовъ Пушкину.

№ 38 | 15 АПРЕЛЯ 1903 ГОДА | № 38

ОТМЕНА КРУГОВОЙ ПОРУКИ.

В манифесте 26 февраля Николай II приказал «принять безотлагательные меры к отмене стеснительной для крестьян круговой поруки».

Расторопный г. Витте немедленно принял эти меры, и в настоящее время круговая порука уже не существует: 12 марта она отменена именным указом сенату.

В этом указе самодержец уверяет, что «в непрестанных попечениях о благоденствии народа нашего... не оставляли мы заботы об упрочении быта крестьянства посредством облегчения лежащего на нем податного бремени». Но если царские попечения о крестьянстве были в самом деле непрестанны, то почему же круговая порука отменена только теперь? Попечительный монарх говорит, правда, что «уже Державный Дед Наш, Император Александр II, приступил к ограничению этого начала, изъяв от действия круговой поруки малолюдные селения», и что, «исполняя завет» своего деда, он, Николай II, в Положении 23 июня 1899 г. о порядке взимания окладных сборов с надельных земель сельских обществ вновь значительно сократил действие круговой поруки, а кроме того тогда же повелел министру финансов «войти в соображение вопроса о совершенной отмене круговой ответственности по уплате окладных сборов». Но почему же он только в 1899 году решил исполнить «завет царя-освободителя»? Неужели сделать это раньше помешала ему та «смута», о которой он говорил в своем манифесте и которая, по его словам, «препятствует общей работе по улучшению народного благосостояния»? Но ведь в настоящее время эта «смута» сильнее, чем когда бы то ни было, а г. Витте все-таки сумел разделаться с круговой порукой, как только получил решительное «повеление» на ее счет. Отчего же это повеление не было отдано раньше? Наконец, отчего же сам «царь-освободитель» избавил от круговой поруки одни только малоземельные общества?

Все это произошло по причинам, не имеющим ровно ничего общего с «непрестанным попечением о благоденствии народа нашего». В своем отношении к «стеснительной для крестьян круговой поруке» правительство всегда руководилось «непрестанным попечением» об интересах казны, а в эпоху «освобождения» крестьян к этому «попечению» присоединилась также забота об исправном отбывании крестьянами своих повинностей по отношению к помещикам.

Наша сельская община не всегда имела тот вид, какой она имеет теперь в Великороссии: прежде она не знала ни круговой поруки, ни земельных переделов. Еще в XVI и XVII столетиях ответственность за недоимки падала только на тех домохозяев, за которыми они накоплялись. В XVII веке правительством сделаны были, правда, некоторые слабые попытки взыскивать недоимки со всех без различия членов общины, но эти попытки, как видно, не привели ни к чему и вскоре были оставлены. В XVIII веке дело приняло другой оборот. Рост государственных потребностей, далеко опережавший рост народных производительных сил, и «непрестанно» возрастающее закрепощение крестьянства мало-по-малу привели нас к той круговой ответственности плательщиков друг за друга, которая существовала в куриях Римской империи и которую Гегель-сын очень удачно назвал самым худшим карательным учреждением. Ко времени «освобождения» крестьян принцип круговой ответственности плательщиков безраздельно господствовал во всех «казенных селениях». Помещики, отвечавшие за взнос податей, не имели в нем надобности, потому что, при своей неограниченной власти над крепостными, они и без него могли принимать все нужные меры для избежания или покрытия недоимок.

Вместе с круговой порукой упрочились и строгости паспортной системы, сильно стеснявшей передвижение лиц податных сословий, а, следовательно, и экономическое развитие страны. Наконец, как «увенчание здания» явились переделы общинных полей в тех местностях, где сказывался недостаток в земле и где поэтому исправному взносу податей могло помешать малоземелье некоторой части крестьянства. Система земельных переделов довершила закрепощение крестьян государству. Она означала не то, что крестьяне сообща владели землею, а то, что и крестьяне, и их земля сделались казенной собственностью. Неудивительно, что нередко крестьяне, «собравшись скопом, с дубьем и дреколием», открыто сопротивлялись ее введению. Но государство было гораздо сильнее их. Бунтовщиков усмиряли «воинские команды», которые примерно наказывали их, «учиняя» им «жестокое, с публикою плетьми наказание»; не обошлось, разумеется, и без ссылки непокорных в Сибирь на поселение или даже в каторжные работы. Такими доводами можно убедить кого угодно. «Общинные идеалы» были надолго привиты сельскому населению, которое местами и до сих пор сохранило печальное воспоминание об эпохе их прививки. Самое полное и всестороннее торжество этих идеалов относится к половине XIX века, т. е. ко времени учреждения министерства государственных имуществ и пребывания на министерском посту пресловутого гр. Киселева [1]. Вот как характеризует установившуюся тогда систему один исследователь, который, надо заметить, сам далеко не чужд народнических «идеалов». «Вообразите крупнейшего в мире

помещика-рабовладельца. Этот рабовладелец не кто иной, как само государство; граф Киселев – это главный управляющий, министерство государственных имуществ— его вотчинная контора, а окружные начальники — бурмистры, действующие на местах. Их действия подкреплялись зуботычинами, засадкой в холодную, драньем и сверх того взиманием «денежной молитвы» *. Автор этой блестящей характеристики ошибается, однако, говоря, что «ничего подобного никогда и нигде не было и не могло быть, кроме России». Нечто совершенно подобное существовало и не могло не существовать—на всем азиатском Востоке. Выросши на почве закрепощения крестьян государством, круговая порука и земельные переделы, в свою очередь, становились там самой прочной основой самого варварского деспотизма.

Когда началось «освобождение», наши помещики были прекрасно знакомы со всеми удобствами и неудобствами круговой поруки. Некоторые члены губернских комитетов резко высказались против нее. ** Члены екатеринославского губернского комитета Поль и Миклашевский заявили, что налагать на освобождаемых крестьян—при отбывании ими их повинностей по отношению к помещикам — круговую поруку с ее неизбежными последствиями значило не только продолжать, но даже усиливать крепостное право с тою только разницей, что вместо власти помещика крестьяне делаются крепостными чиновников и сельских начальств. *** Тем не менее круговая порука была введена, потому что она являлась незаменимой гарантией помещичьих интересов. На крестьян взваливались повинности, по своим размерам далеко превосходившие предоставленные им «выгоды». В виду этого у «освободителей» естественно возникало опасение, что «освобождаемые» предпочтут отказаться от «выгод» и не станут отбывать повинности. Это опасение и привело к тому, что крестьян посадили на цепь круговой поруки. А от помещиков, конечно, не захотело отстать и государство. Отменяя права помещика на личность крестьянина, оно вовсе не хотело дать этому последнему полную гражданскую свободу. Нет, оно только собиралось сделать их своими собственными крепостными, а в этом случае ему нельзя было обойтись и без круговой поруки.

Вместе с круговой порукой на «освобожденных» крестьян надеты были и цепи паспортной системы. Отсутствие свободы передвижения было неизбежно там, где главная масса населения оставалась привязанным к земле, бесправным «податным сословием».

«Малоземельные», т. е. собственно малолюдные, общества были избавлены «царем-освободителем» от язвы круговой поруки единственно потому, что при их малолюдстве эта порука не могла служить сколько-нибудь надежным обеспечением исправного отбывания повинностей. ****

Когда г. Николай —он [2] писал в своих «Очерках» (стр. 67), что положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, «было лебединою песнью старого процесса производства», он высказывал мысль, которая по своему буквальному значению просто нелепа: правовые учреждения обусловливаются не процессом производства, а теми взаимными отношениями, в которые становятся люди во время этого процесса. Но будучи выражена надлежащим образом, мысль г. Николая —она может быть признана до известной степени правильной: «Положение» 19 февраля представляет собою плод производственных отношений, существовавших в старой дореформенной России. Но в этом состоит не достоинство его, а коренной недостаток. Говорить об освобождении и в то же время подчинять освобождаемых таким учреждениям, которые по всему своему значению являлись пережитком крепостничества, значило издеваться над бедным крестьянством, ожидавшим «воли» с таким горячим нетерпением и с такой глубокой верой в добрые намерения Александра II.

«Новое крепостное право» введено было в такое время, когда развитие экономической жизни,—получившее очень сильный толчок от той же реформы 1861 года, — разрушало старое натуральное хозяйство крестьян и превращало их в мелких производителей, продукты которых, становясь товарами, должны были конкурировать на всемирном рынке с продуктами свободного труда свободных заокеанских стран. Таким образом, наши крестьяне страдали как от экономического развития, так и от тех препятствий, которые ставились экономическому развитию «Положением» 19 февраля. Страшное обеднение крестьянской массы явилось неизбежным следствием этого противоречия между новыми условиями экономической жизни крестьян и их правовым положением. Это обеднение не могло не броситься в глаза правительству уже по одному тому, что его сопровождало огромное накопление недоимок. «Стеснительная для крестьян круговая порука», введенная именно для борьбы с недоимками, не оправдывала ожиданий «попечительного» начальства. Вот почему начальство скоро начало в ней разочаровываться. Уже в 1873 году Валуевская комиссия [3] указала на нее как на одно из крупнейших зол крестьянской жизни. И с тех пор такие указания являлись с самых различных сторон. Но правительство все-таки не решалось отменить круговую поруку, понимая, что она составляла лишь одно из звеньев той цепи, на которой сидит русский крестьянин и разбивать которую оно вовсе не желало. Мы уже знаем, что исторически круговая порука была тесно связана с общинным землевладением. И мы видим, что вопрос об этом землевладении постоянно вставал перед правительством всякий раз, когда оно задумывалось о круговой поруке. Сами по себе периодические переделы полей не могли, разумеется, быть для него привлекательными. Более того, — они должны были заключать в себе нечто неприятное для всякого администратора, стоявшего на «охранительной» точке зрения и думающего не об одном только государственном казначействе. Время от времени между нашими администраторами являлись поэтому люди, осуждавшие общинное землевладение, между прочим потому, что оно,

---

* Н. А. Благовещенский. Четвертное право. Москва, 1899, стр. 134.

** Н. Бржеский. Круговая порука сельских обществ. Суждения редакционных комиссий по составлению положений 19 ф. 1861 г. и правительственные взгляды за время с 1861 по 1895 г. С.-Петербург, 1896, стр. 12.

*** Бржеский, стр. 16.

**** Эту сторону дела раз'яснили еще в эпоху составления положений члены симбирского комитета, восставшие против круговой поруки.

будто бы, воспитывает в крестьянстве, социалистические стремления. К их числу принадлежит, например, бывший министр двора и уделов гр. Воронцов-Дашков, выступивший в 1893 году с целой филиппикой против общины. Замечательно, что тогдашний министр внутренних дел г. Дурново не оспаривал по существу доводов гр. Воронцова-Дашкова, а только осуждал его нетерпение. Г. Дурново утверждает, что общинное землевладение может быть устранено лишь постепенно и что в отношении к нему необходима «крайняя осмотрительность и осторожность» *. На это было несколько причин, а главное — вот какая: «В частности и потому еще, что с своей стороны затрудняюсь понять, каким образом возможно было бы примирить опыт насаждения мелкой земельной собственности, в приблизительно определенных размерах и границах, и последующее исправление ее в том и другом отношении с началом неприкосновенности частной собственности и приобретенных прав, стоящим под одновременной охраной закона и всеобщего признания и, казалось бы, одинаково приложимым как к крупному, так и к мелкому землевладению» **. Это довольно ясно, хотя выражено весьма дипломатично. Г. Дурново опасался, что, уничтожив общинное землевладение, государство вынуждено будет поставить крестьянскую собственность под «охрану законов», обеспечивающих «неприкосновенность частной собственности и приобретенных прав». Поэтому он и спрашивал графа Воронцова-Дашкова, — как спрашивал Манилов Чичикова, покупавшего у него мертвые души, — не повредит ли это государственным соображениям и дальнейшим видам России. Устами г. Дурново наше деспотическое государство заявляло о своем нежелании отказаться от столь привычной ему роли «крупнейшего в мире помещика-рабовладельца», бесконтрольно распоряжающегося наделами своих «верных подданных» крестьянского сословия. В этом нежелании и заключается разгадка всех колебаний нашего новейшего законодательства о крестьянском землевладении. Им же об'ясняется, в частности, и то обстоятельство, что Николай II, решившись отменить круговую поруку, поспешил обрадовать наших социалистов-реакционеров обещанием отстаивать «неприкосновенность общинного землевладения». Г. Витте, по крайне мере, лет пять твердил царю, что пора уничтожить и круговую поруку и общину, так как при нынешнем экономическом положении крестьянства эти учреждения уже не содействуют, а мешают борьбе с недоимками ***.

В то же самое время г. Победоносцев нашептывал ему, что консервативное законодательство «должно с крайней осторожностью относиться к вопросу о преобразовании общинного землевладения». Находясь под этими противоположными влияниями, наш коронованный недоросль, — подобно ослу Буридана, — долго не мог ни на что решиться. Наконец, он вышел из затруднения, опубликовав манифест 26 февраля, которым он, очевидно, надеялся сразу угодить и г. Победоносцеву и г. Витте. Мы не знаем, в какой мере исполнилась его надежда. Но мы очень хорошо знаем, что торжественно провозглашенная отмена круговой поруки далеко не удовлетворит «возникающих потребностей народной жизни», о которых не без красноречия говорится в манифесте. Фактически «неприкосновенность общинного землевладения» сведется к тому, что государство сохранит за собою свои помещичьи права на крестьянскую землю, между тем как переделы будут все более и более затруднены, а беднейшие члены общины все чаще и чаще будут лишаться своих наделов *. «Неприкосновенность общинного землевладения» будет попрежнему означать, следовательно, лишь неприкосновенность той цепи, на которой государство держит крестьянина.

И не только «возникающим», но и давным-давно возникшим потребностям народа новая царская мера не принесет с собой никакого удовлетворения. Она плоха уже одним тем, что одинока. «Кто сказал: А, должен сказать: Б», — говорит немецкая пословица. Отмена круговой поруки имела бы серьезное значение только в том случае, если бы она знаменовала собою отказ нашего государства от своей исторической роли «помещика-рабовладельца» и дарование крестьянину полной гражданской свободы.

Но об этом ни слова не говорится ни в манифесте 26 февраля ни в указе 11 марта. Да и не мог бы царский манифест заговорить ни о чем подобном. Деспотизм по самой природе своей не способен взять на себя освободительную миссию. А русский деспотизм способен к ней теперь еще менее, чем когда-либо прежде. Царская власть вообще может в настоящее время только мешать развитию русской народной жизни. Поэтому развитие русской народной жизни делает положение царской власти все более и более шатким. Гражданская свобода может быть принесена русскому крестьянину только политическим освобождением России. Поэтому русский крестьянин вынужден будет принять участие в политическом освобождении России, если только захочет

---

* Записка министра двора и уделов графа Воронцова-Дашкова об уничтожении крестьянской общины и возражения на нее министра внутр. дел И. Н. Дурново. Женева — Каруж. 1900, стр. 46. Интересно, что орган социалистов-реакционеров «Вестник Русской Революции» тоже требует бережного отношения к общине (кн. I, стр. 12). Почти слово в слово с г. Дурново!

** Там же, та же страница.

*** В продолжение последнего пятилетия эта мысль усердно развивалась органами министерства финансов, преимущественно «Русским Экономическим Обозрением». Она очень обстоятельно развита также в книге г. Н. Бржеского: «Недоимочность и круговая порука сельских обществ» (см. особенно последние главы). Эта книга, вышедшая в 1897 г., посвящена г. Витте. Напомним здесь кстати, что в 1893 г., когда в Государственном Совете происходили споры об общинном землевладении, министр финансов выступил с запиской, в которой община защищалась доводами, целиком заимствованными у народников. К сожалению, место не дозволяет нам подробно обосновать ту нашу мысль, что г. Витте разочаровался в общине только с тех пор, как увидел, что от нее теперь кулакам больше пользы, чем казне. Мы, может быть, сделаем это в другой раз.

* «Облегчение отдельным домохозяевам выхода из общины» на практике сведется к облегчению выхода из нее тем „хозяйственным мужичкам", которые найдут это для себя выгодным. Земледельческая беднота попрежнему останется закрепощенной. Именно для нее-то и сохраняются «неприкосновенными» все мнимые благодеяния общинного землевладения.

добиться гражданской свободы. А в нем пробуждается уже сильное стремление к ней. Новые условия его быта вызывают в нем новые потребности и разбивают его старые предрассудки. Крестьянские волнения прошлого года — только «пролог пролога» великой драмы, которая готовится к постановке на русской исторической сцене и которая озаглавлена двумя словами: падение царизма.

[Г. Плеханов]

«РЕФОРМИСТСКИЙ» СОЦИАЛИЗМ Г. МИЛЬЕРАНА.

Спасаемся как можем!
И если виселиц не строят больше —
Бунтовщиков министрами сажают!
Все тот же результат, другой лишь способ,
Приятнейший обеим сторонам.

Гедберг, «Гергард Гримм».

Французский министериалистский «социализм» неудержимо развивает свое внутреннее содержание. В последние дни он ознаменовал себя несколькими поразительными голосованиями г. Мильерана, бывшего и будущего министра, и его же брошюрой, носящей выразительное заглавие «Французский реформистский социализм». Эта книжонка состоит из двенадцати разновременно произнесенных речей, снабженных предисловием, в котором отдыхающий министр, выжидая, пока его снова не призовут к «священной жертве» сотрудничества с г. Галлифе[4], подводит на досуге итоги «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет»...

«Без обиняков и недомолвок!»... Таков девиз г. Мильерана. «Если — не скажу — дозволено, но присуще прогрессу всякого знания, — рассуждает отставной министр, — пользоваться гипотезами, если коллективистская гипотеза, которой придерживаемся мы, заимствует от самого капиталистического режима особенную ценность, то нужно, однако, чтобы законное применение этой гипотезы не ослепляло нас и не заставляло принимать средства за цель. Будем остерегаться стать пленниками формул, которые необходимо должны изменяться самим прогрессом человечества» (р. 8).

Коллективизм — не социальный строй, к которому мы стремимся, не цель классового движения пролетариата. Коллективизм — гипотеза, средство... Но где же в таком случае цель? Как? А «идея демократического прогресса и социальной справедливости»? Таким путем мы получаем очень благонравный салонно-министерский «коллективизм», который об'является гипотезой и ставится под начало «демократического прогресса»... Революционный социализм, правда, думает, что нужно буржуазный «прогресс» отдать под контроль коллективизма... Но на то ведь революционный социализм и состоит в плену у догматических «формул»!

Присмотримся, однако, немного ближе к «коллективистской гипотезе» или, вернее, к гипотетическому коллективизму г. Мильерана. Чего он хочет? Отнюдь «не того, чтобы в новом человечестве частная собственность была уничтожена, — такое предположение было бы непонятным, — но, напротив, чтобы она была преобразована и настолько расширена, чтобы служить как бы естественным и непременным вещным дополнением человека, необходимым орудием жизни и развития» (стр. 7).

Без обиняков и недомолвок! Но как понять «коллективистскую гипотезу», которая санкционирует частную собственность? Конечно, коллективизм предполагает частную собственность на предметы личного потребления. Но в чем же и состоит сущность коллективизма, как не в том, что он хочет уничтожить частную собственность на средства производства?

РОСТОВСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ 2 МАРТА.

(Впечатления очевидца.)

Ежегодно, на время великого поста, в «исторической» балке, служившей стачечникам дли их огромных митингов, по воскресеньям устраиваются «кулачки», привлекающие массу народа. В хорошую погоду на «кулачки» сходятся до 20 тыс. человек. На это обстоятельство обратил внимание и решил им воспользоваться Донской Комитет. Так как полиция либо совсем отсутствует на «кулачках», либо присутствует в ничтожном числе, то, естественно, никакой трудности не представляло произнести речь. В таком смысле и было сообщено организованным рабочим, и далеко не все знали, что предполагается демонстрация. К трем часам дня в воскресенье 2 марта все организованные рабочие явились на балку. Человек пятьдесят из них образовали вокруг оратора сплоченную группу, остальные же нарочно были рассеяны в толпе, чтобы в нужный момент двинуть ее в город. Трудно определить цифры, но, судя «на-глаз», на кулачках было до десяти тысяч человек. Внизу, в глубине балки, кулачники с азартом подставляли друг другу фонари, а по обоим склонам балки стояли толпы народа в разноцветных праздничных костюмах. Солнце ярко светило, хотя временами оно заволакивалось густыми тучами пыли благодаря сильному восточному ветру. В начале пятого часа оратор распорядился развернуть знамя и в то же время несколько рабочих подняли его на плечи... «Товарищи!» — понеслось над толпой... «Товарищи!» — подхватили сотни организованных рабочих. «Сюда, товарищи!» «Тише!» «Слушай!» «Не пускать жандарма!» «Долой полицию!» — понеслись отовсюду крики, за которыми не слышно было оратора. Вид знамен и крики сразу привлекли внимание толпы. Даже кулачники оставили «взаимный мордобой» и бросились к знаменам. «В город, идем в город!» — закричали сотни голосов. И тотчас же знамена, окруженные густой толпой, поплыли по направлению к городу. Сильный ветер подхватил их, расправил, — и вся толпа увидела на них надписи: «Да здравствует политическая свобода!», «Да здравствует 8-часовой рабочий день!». «Долой самодержавие!» — раздалось в балке, и этот крик наполнил собою всю глубокую балку и разнесся по степи и по всему Темернику. И сразу, как из-под земли, тысячи хлынули к демонстрантам. Возбуждение огромное, крики «Долой самодержавие!», «Да здравствует политическая свобода!» оглушают. Вот кулачник, с разбитой физиономией. «Мы рабочие, — кричит он, — идем бороться за

Г. Мильеран не делает этого необходимого разграничения.

Теоретический промах? Нет! Вся суть в том, что г. Мильеран считает полезным — конечно, в интересах «коллективизма» — подчеркивать более энергично те стороны своей программы, которые могут об'единить «все республиканские фракции», чем те, которые могут их разделить (стр. 53). Но что может глубже отделить мелкобуржуазную демократию от социалистической, чем идея коллективизма? Необходимо ее обезвредить. И мы находим у г. Мильерана не более и не менее, как антиколлективистскую гипотезу коллективизма. Г. Мильеран становится безбожником во имя божье.

«Будем иметь мужество, — приглашает он своих единомышленников, — называться настоящим нашим именем, именем р е ф о р м и с т о в»... Прекрасно! Но еще шаг, еще немного мужества, — и вы сможете назваться настоящим вашим именем, именем антиколлективистов... во имя коллективизма.

Остается посмотреть, что представляет из себя тот «демократический прогресс» и та «социальная справедливость», на службу которым призывается (анти) коллективизм.

«Все члены этой великой материальной и моральной ассоциации, которая составляет французскую нацию, — говорил г. Мильеран в декабре 1902 г., — заинтересованы — и чем дальше, тем больше — в тех социальных благах, которые именуются национальной устойчивостью, благосостоянием и независимостью во всех их формах»...

«Да, французы, все французы одинаково заинтересованы в том, чтобы Франция была богата, чтоб она была сильна»... (57, 58).

Итак, на место классовой борьбы — «национальный интерес и солидарность классов». «Но имеет ли социалист право, — спрашивает себя автор, — заботиться об этих вещах, не изменяя своему идеалу?..» И отвечает: «Социалистическая партия не может не быть заинтересована в хорошей организации общественных финансов и в их процветании, в этих первых условиях всякой социальной реформы, а также в поддержании и в развитии национального производства. Общественные работы, мелиорация, обслуживающие индустрию, торговлю, земледелие, разумное лесное хозяйство и упорядочение наших колониальных владений» — все это должно составлять предмет забот социалистической партии. Увы! Только социализм не входит в сферу ее политических интересов!

Мильеран, видите ли, хочет завоевать буржуазную демократию для дела эмансипации рабочих масс. В этой деликатной миссии ему пришлось начать с уступок. Вместо социальной революции — реформы. Вместо классовой борьбы — классовое сотрудничество. Вместо пролетарского интереса — задачи социального преуспеяния.

Но «реформы» свелись к ... облегчению бремени патентов для мелкой торговли на 25 процентов (стр. 71). «Классовое сотрудничество» определилось как участие г. Мильерана в правительстве, которое стреляло в стачечников не менее метко, чем все другие французские правительства. «Задачи национального преуспеяния» оказались задачами п о д д е р ж а н и я капиталистического хозяйства и освящения буржуазных интересов силой и авторитетом социалистического пролетариата. Итак: — без обиняков и недомолвок — отказ от социализма в интересах его преуспеяния, идейное и политическое закабаление пролетариата в целях его эмансипации — такова своеобразная «диалектика» «французского реформистского социализма», такова политическая платформа г. Александра Мильерана.

Программе соответствует тактика. И мы видим г. Мильерана вотирующим в единении с националистами

свободу!» Вот рабочий, которого жена ухватила за руку и со слезами умоляет его не ходить в город. «Там казаки: они изобьют нагайками!» «Ничего, — отвечает он: — мы их тоже угостим!» Вот неорганизованный рабочий. Лицо его бледно, глаза горят, шапку он где-то потерял, но не замечает этого. Он обернулся к задним рядам, машет руками, и из его чахоточной груди со стоном рвется крик: «Долой самодержавие! Да здравствует политическая свобода!»

По рытвинам, по ухабам, по оврагам и обрывам толпа быстро движется вперед и, как огромный поток, свергается вниз с горы, к железнодорожной линии. Наступает решительный момент. «Успели или не успели?» — мучительно копошится в мозгу организаторов демонстрации. Из-за кирпичного завода не видно, свободен ли переезд через линию... Вот повернули за угол и... ура! переезд свободен, свободен и следующий за ним мост! Ни одного городового, ни одного жандарма. «Вперед, товарищи! Вперед! Долой самодержавие!». Толпа разделяется на мосту на три рукава и вновь соединяется за мостом.

Как и предвидели организаторы, демонстрация явилась полнейшей неожиданностью для полиции и казаков. Как и во все другие воскресные дни, все городовые были отряжены для усиления «нарядов», рассеяны, таким образом, по городу и не могут соединиться. В участках по одному дежурному околоточному и несколько городовых. Все пьяны и от скуки спят в «канцелярии» на диванах. Казаки по случаю праздника, распущены и не скоро соберутся.

«Вперед, товарищи!» — и под нестройные, но мощные звуки «Марсельезы» и «Варшавянки», смешивающиеся с революционными криками, толпа быстро шагает на гору по Темерницкой улице. Вот Доломановский переулок. Знамена повернули налево, к Садовой улице (главная). Сонные обыватели выскочили из своих домов и с изумлением смотрят на огромную толпу демонстрантов. Тысячи мальчишек бегут вперед с криком «долой самодержавие!» и несут весть о демонстрации. Открытые кое-где лавки быстро закрываются. На Садовой ждут уже демонстрантов. По тротуарам тянется тысячная толпа. Толпа растет, как снежная лавина. К демонстрантам присоединяются новые тысячи. Весь Ростов, за исключением разве самых отдаленных кварталов, куда еще не дошла весть о демонстрации, быстро устремляется на Садовую. Но шубы и цилиндры благоразумно прячутся за воротами и в пивных.

Вот, наконец, и Садовая. Поперек улицы цепь... из пяти городовых, трех околоточных, пристава и его помощника. Страшный свист и крики «долой самодержа-

и клерикалами за бюджет исповеданий... Социалист, небрежно переступающий по пути к министерскому портфелю через элементарно-демократическое требование отделения церкви от государства! Мы видим г. Мильерана вотирующим кредиты для конгреганистских предприятий на крайнем Востоке. Социалист, прикладывающий свою депутатскую руку к делу экспорта французского клерикализма в то время, когда даже морской министр радикал Пельтан воздерживается от голосования! Мы видим г. Мильерана вотирующим против уничтожения французского посольства при Ватикане. Социалист, поддерживающий светскую власть папы!

Мы видим г. Мильерана воздерживающимся от голосования, когда часть палаты приглашает правительство не посылать войск на места стачек. Социалист, аплодирующий «мирному почину» русского самодержца и не отваживающийся поднять свой депутатский голос против систематических провокаций кровопролития, сопровождающих экономические столкновения труда с капиталом!

Мы видим г. Мильерана вотирующим доверие военному министру, возбудившему преследование против авторов агитационной антимилитаристской брошюры «Руководство для солдата», — и мы видим в том же заседании г. Мильерана воздерживающимся от голосования, когда внесено предложение, приглашающее военного министра взять назад свой циркуляр, запрещающий солдатам вход в Биржу Труда.

Мы видим г. Мильерана... Но будем кратки: во всех случаях, где дело идет о национальном величии Франции (французской буржуазии), г. Мильеран в первых рядах. Когда же на очереди стоит защита свободы агитационного воздействия или охрана пролетарских жизней от солдатских пуль, возвещающих сотрудничество классов, г. Мильеран с достоинством воздерживается от «бесплодных» и «несвоевременных» манифестаций.

Такова практика «французского реформистского социализма» в его полном, законченном выражении!

Но именно эта полнота и эта законченность отшатнули от Мильерана многих его сторонников. В жоресистской среде раздаются возмущенные голоса... Многие жоресистские федерации[5] требуют, чтобы ближайший конгресс, который соберется на Пасху в Бордо, исключил г. Мильерана из рядов социалистической партии.* Пять других требуют, чтоб ему было выражено порицание.

Даже г. Жорес, которого никто не упрекнет в придирчивости к Мильерану, признал некоторые тактические шаги своего «дорогого друга» «опасным применением здоровой и плодотворной методы» эволюционного или реформистского социализма. Даже Жорес!

Оправдания г. Мильерана превосходно дорисовывают характер «здоровой и плодотворной методы».

«Вместо того чтобы упрекать министерство Комба,— писал Мильеран, возражая Жоресу, — в том, что оно не уничтожило бюджета культов, который ни вы, ни я не были бы, на его месте, в состоянии уничтожить, было бы лучше, кажется, открыто сказать, с высоты трибуны, стране, почему мы не можем в настоящий момент уничтожить бюджет культов»...

В полном соответствии с духом своей программы и своей тактики г. Мильеран считает себя обязанным становиться на точку зрения министерства, представляющего интересы буржуазного «общества», но не на точку зре-

* «Vorwärts», посвятивший недавно статью «Исповеданию веры» г. Мильерана, не без основания сомневается в возможности исключения бывшего министра из партии на ближайшем конгрессе. (Писано до конгресса, о нем см. в «Иностр. Обозр.».)

вие!», «долой царя!», долой царьков!» встречают их. Град камней сыплется на них при первой попытке «рассеять» толпу. Один городовой ранен в голову, досталось и другим. Славные «донцы» (вся полиция здесь из казаков) позорно отступают — и путь свободен. «Вперед!» И огромная толпа, под непрерывные крики «долой самодержавие!», «долой царя!», «да здравствует политическая свобода!» и под пение «Марсельезы» движется вперед по главной улице.

Сколько народу — определить невозможно. Но, несомненно, десятки тысяч. Не будет преувеличением, если сказать, что на демонстрации присутствовало 40 — 50 тысяч. Толпа, однако, разделялась на три группы. Тут наглядно проявляются обычно употребляемые подразделения. Впереди около знамени группа передовых (около 1.000 челов.) и наиболее революционно и смело настроенных, готовых на все. За ними тянется огромная толпа тысяч в двадцать «массовых» рабочих, молодежи, конторщиков и т. д. Настроение их приподнято, они любуются знаменем, они поражены неслыханной смелостью демонстрантов, они сами кричат «долой самодержавие!», завтра многие из них станут революционерами, но сегодня они еще не готовы в бой. Революция в их взглядах только началась, благодаря стачке, и, быть может, будет завершена демонстрацией. Сегодня они еще, быть может, уступят при первом натиске полиции и казаков, уступят со злобой и проклятиями, но без борьбы. Но завтра, через год, через полгода, они выйдут на улицу вооруженные и будут бороться за свою свободу. Они еще не поняли своей силы, но, благодаря демонстрации, почувствовали ее и скоро приложат ее к борьбе с самодержавием. Наконец, третья часть, это — на тротуарах. Их будет тысяч тридцать. Это — «втайне сочувствующие», с одной стороны, и приверженцы самодержавия, с другой. С злобой и ненавистью смотрят последние на знамена. Но их злоба бессильна, и они скрежещут зубами, чувствуя свое бессилие. Таких «врагов», впрочем, немного, и полиция даже не пытается призвать добровольцев к борьбе с демонстрантами. Времена изменились. Когда-то мясники и приказчики Охотного ряда избили демонстрировавших студентов, теперь самодержавию приходится опираться и надеяться только на регулярные силы. Полиция, видя свое бессилие, пытается взять наглостью.

Вот какой-то пристав бросается прямо на передовых демонстрантов. «Разойдись!» — нагло басит он своим хриплым от перепоя голосом: «разойдись!» Страшный удар по лицу валит его на одну сторону, но другой удар с противоположной стороны поддерживает. Какой-то карманный воришка, воспользовавшись моментом, под-

ния социалиста, отстаивающего исторические интересы пролетариата п р о т и в всего буржуазного общества.

Еще циничнее и наглее об'яснения, данные г. Мильераном на собрании в Верзоне по поводу инцидента с Биржей Труда. С филистерским негодованием отозвавшись о «Руководстве для солдата» (эта преступная книжка, нимало не заботясь о национальном преуспеянии французской буржуазии, осмеливалась, видите ли, рекомендовать солдатам отказ в повиновении офицеру, когда последний будет их звать в атаку или прикажет с т р е л я т ь в с т а ч е ч н и к о в), г. Мильеран авторитетно заявил: «Так как я имею обыкновение согласовать свои поступки с тем, что я думаю, то я утверждаю, что, е с л и б ы я б ы л н а м е с т е г е н е р а л а А н д р э, я не мог бы сделать ничего иного, кроме того, что он сделал».

Революционный социалист скажет: поэтому я н е м о г у б ы т ь на месте ген. Андрэ. Мильеран говорит: поэтому я одобряю преследования за антимилитаристскую агитацию.

Таков французский реформистский «социализм» г. Мильерана со стороны теории, программы и тактики — «без недомолвок и обиняков»!

«Великий» критик марксизма г. Эдуард Бернштейн несколько лет назад приглашал партию пролетариата отбросить всякий революционизм и стать «социал-демократической партией реформ». Г-н Ал. Мильеран показал воочию, какой вид должна неизбежно принять такая партия. Картина получилась достаточно яркая, чтобы отрезвить тех, кого поколебало крикливое, рекламное «критическое» выступление Бернштейна и К°. За этот результат социал-демократия может быть благодарна ловкому карьеристу.

[Н. Троцкий]

LES BEAUX ESPRITS SE RENCONTRENT.

(По-русски примерно: свой своему поневоле брат.)

Знаменитая аграрная программа-минимум наших социалистов-революционеров (кооперация и социализация) обогатила русскую социалистическую мысль и русское революционное движение в июне 1902 года. Немецкая книга известного оппортуниста (бернштейнианца тож) Эдуарда Давида: «Социализм и сельское хозяйство» вышла в свет в феврале 1903 года. Повидимому, не может быть и речи о том, чтобы последующее произведение оппортунистической мысли заключало в себе оригинал предыдущих упражнений «социалистско-революционной» мысли? Но как же об'яснить тогда поразительное, бросающееся в глаза сходство и даже принципиальное тождество программы русских соц.-рев. и немецких оппортунистов? Не является ли уже «оригиналом» «Рев. Россия», а копией — «капитальный» (по отзыву корреспондента «Русск. Вед.») труд Давида? Две основные идеи, и соответственно им два главных пункта программы, проходят красной нитью через весь «труд» Давида. Он воспевает сельс.-хоз. кооперации, ожидая от них всех благ, требуя содействия их развитию со стороны соц.-демократии и не замечая (совсем как наши соц.-рев.) буржуазного характера этих союзов мелких хозяйчиков с мелкими и крупными капиталистами в земледелии. Давид требует превращения крупных земледельческих хозяйств в мелкие, восторгаясь выгодностью и рациональностью, экономностью и производительностью хозяйств «des Arbeitsbauern» — по-русски буквально: «трудового хозяина», выставляя верховное право собственности общества на землю и пользование землею вот этих мелких «трудовых крестьян». Положительно, немецкий оппортунист совершил плагиат у русских «со-

---

скакивает к нему сзади, запускает на виду у всей толпы руку в карман шинели и, что-то выхватив оттуда, немедленно удирает. В толпе громкий смех. «Сконфуженный» пристав ретируется. Вот какой-то околоточный бросается один к знамени с целью вырвать его. Десятки рук моментально схватывают его, срывают с него шашку и портупею и ломают и рвут их. Удары сыплются на несчастного, который спасается только благодаря револьверу, выстрелив раза три в воздух *.

«Назад, товарищи!» — вдруг раздаются крики. Полиция, оказывается, под шумок употребила хитрый маневр. Позади, на углу Таганрогской улицы, она кое-как устроила цепь и таким образом отделила от демонстрантов значительную часть народа. Демонстранты поворачивают назад, каменьями прогоняют полицию и вновь соединяются с толпой. Здесь, на углу, у Гранд-Отеля, происходит значительная остановка, поется «Марсельеза» и «Варшавянка», а затем под непрерывные крики «долой самодержавие» демонстранты вновь движутся вперед.

Вдруг на извозчике появляется сильно запоздавший полицмейстер. Он летит навстречу к демонстрантам. Но, не доезжая до них, останавливается. Свист и крики «долой самодержавие!» встречают его. Какой-то рабочий подскакивает к нему и ломает у него шашку. Под громкий хохот толпы извозчик поворачивает и исчезает со своим глупым и струсившим седоком.

«Вперед! Вперед! Долой самодержавие! Вставай, подымайся рабочий народ!» — И демонстранты движутся все вперед и вперед. Вот Николаевский переулок — здесь самая центральная часть города. На балконы вылетела вся крупная буржуазия. Мужчины — в цилиндрах, дамы — в роскошных нарядах. Нужно видеть, с какой злобой, с какой ненавистью смотрит на них толпа, как грозно она подымает против них кулаки. «Долой буржуазию! долой проклятых буржуа! да здравствует социализм!» — кричат сотни голосов. И особенно грозны, особенно беспощадны женские голоса. Невозможно описать героизма и мужества женщин-работниц. Они все время впереди, они непрерывно сзывают расстраивающиеся ряды. «Сюда, товарищи!» — звонко раздаются их голоса, выделяясь из непрерывных, оглушительных криков. «Долой буржуазию!» — кричат они, и в их криках столько ненависти, столько силы, что сердце начинает прыгать от радости в груди, как будто уже занимается заря социализма. Энергия удесятеряется, силы вырастают, — и из груди рвется непрерывный крик: «Долой самодержавие! да здравствует социализм!»

* Очень характерно, что некоторые именитые буржуа без отпора выслушивали грязную брань околоточных, сыпавшуюся на них. Брань на вороту не виснет...

циалистов-революционеров». Мелкобуржуазности «трудового крестьянина» в современном обществе, его промежуточного переходящего положения между буржуазией и пролетариатом, его стремлений «выйти в люди» (т. е. стать заправским буржуа) путем бережливости, усердия, недоедания и чрезмерной работы, его стремления к эксплоатации труда сельских «работников», — ничего этого не видит, конечно, ни немецкий мелкий буржуа-оппортунист, ни русские мелкие буржуа — «социалисты-революционеры».

Да, да, les beaux esprits se rencontrent, и в этом заключается разгадка столь трудной, на первый взгляд, задачи: определить, где копия и где оригинал. Идеи, выражающие потребности, интересы, стремления и вожделения известного класса, носятся в воздухе, и скрыть тождество этих идей не в силах никакое разнообразие костюма, никакие варианты то оппортунистической, то «социалистски-революционной» фразы. Шила в мешке не утаишь.

Во всех европейских странах, в России в том числе, неуклонно идет вперед и «утеснение» и упадок мелкой буржуазии, не всегда выражающийся в ее прямом и непосредственном вытеснении, но в громадной массе случаев ведущий к сужению ее роли в экономической жизни, к ухудшению ее условий существования, к усилению ее необеспеченности. Все ополчается против нее: и технический прогресс крупных хозяйств в промышленности и в земледелии, и развитие крупных магазинов, и рост предпринимательских союзов, картелей и трестов, и даже рост потребительных товариществ и муниципальных предприятий. А на-ряду с этим «утеснением» мелкой буржуазии в земледелии и промышленности идет нарождение и развитие «нового среднего сословия», как говорят немцы, нового слоя мелкой буржуазии, интеллигенции, которой то же все труднее становится жить в капиталистическом обществе и которая в массе своей смотрит на это общество с точки зрения мелкого производителя. Совершенно естественно, что отсюда с полною неизбежностью вытекает широкое распространение и постоянное возрождение в самых разнообразных формах мелкобуржуазных идей и учений. Совершенно естественно, что русский «социалист-революционер», всецело плененный идеями мелкобуржуазного народничества, оказывается «поневоле братом» европейского реформиста и оппортуниста, который, когда хочет быть последовательным, неизбежно договаривается до прудонизма. Именно этим последним термином и характеризовал Каутский совершенно справедливо программу и точку зрения Давида.

Мы сказали: «когда хочет быть последовательным» и подошли таким образом к той существенной особенности, — отличающей современных соц.-рев. и от старого русского народника и от некоторых, по крайней мере, европейских оппортунистов, — которую нельзя не назвать авантюризмом. Авантюризм не думает о последовательности, стараясь только уловить момент, воспользоваться борьбой идей для оправдания и сохранения безыдейности. Старый русский народник хотел быть последовательным и отстаивал, проповедывал и исповедывал свою особую программу. Давид хочет быть последовательным и решительно восстает против всей «марксистской аграрной теории», решительно проповедует и исповедует превращение крупных хозяйств в мелкие, не боясь, по крайней мере, иметь смелость своего мнения, не боясь открыто выступить сторонником мелкого хозяйства. Наши соц.-рев... как бы это помягче выразиться?.. гораздо «благоразумнее». Они никогда не восстают решительно против Маркса, — боже сохрани! Они, напротив, походя щиплют цитатами и Маркса и Энгельса, уверяя со слезами на глазах, что они с ними почти

«Товарищи! Смотрите на спины! — раздается вдруг крик — шпионы мажут краской!» — Оказывается, что шпионы, имеющие, повидимому, всегда про запас фуксин или мел, действуют в толпе, отмечая демонстрантов. Шпионы, в полном составе, налицо. Явился и жандармский полковник Артемьев, в сопровождении ад'ютанта и двух жандармов. Вся эта группа прячется от демонстрантов и при их приближении улепетывает во все лопатки. К Артемьеву подбегает шпион и о чем-то докладывает. Некоторых шпионов, замеченных, когда они намечали спины, страшно избивают.

Вперед и вперед! Миновали Николаевский и Казанский переулок. Демонстрация приближалась к Большому проспекту. От начала прошло полтора часа, настроение до того приподнято, что необходим выход, разрежение... «К тюрьме! к тюрьме!» — раздаются крики...

Но уже поздно... За полтора часа полиция успела собраться с силами и вызвать казаков. Она не решается еще действовать, хотя могла бы теперь рассеять толпу. Две силы стоят друг против друга. С одной стороны — демонстранты с красными знаменами, с другой — две сотни конных казаков, а сверху, по Садовой, навстречу демонстрантам, спешит с ружьями наперевес пешая сотня. Часть казаков оцепила находящийся невдалеке Государственный банк и казначейство, загородив кругом все улицы. Повидимому, больше всего опасаются разгрома Государственного банка, так как рядом находится Новый базар — место скопления босяков, береговых рабочих и ломовых извозчиков. Полиция, собравшись в кружок, совещается.

Момент — и красные знамена исчезают, и группа, тесно окружавшая их, рассеивается во все стороны. Полиция с опозданием бросается за ускользнувшими демонстрантами, но улица на протяжении целого квартала немедленно опустевает. Казаки с нагайками бросаются в боковые улицы, но толпа хотя и разбегается перед ними, однако не без сопротивления. На Садовой, куда почему-то казаков не пустили, действует немногочисленная полиция. С ней ведется отчаянная борьба. Пристав Антонов получил страшный удар по голове, у одного городового разбита камнем скула, другому ножом отхватили кусок носа, третий получил два удара по физиономии. Одному перешиблена кистеньком рука. Толпа отбивает арестованных. Есть жертвы и со стороны демонстрантов. Какая-то старушка лежит на мостовой и над ней стоит городовой. В чем дело, узнать невозможно. Два городовых повалили какого-то торговца на тротуар. «Не имеешь права бить», — кричит он. На углу Казанского переулка лежит, кажется, убитый какой-то юноша лет восемнадцати, около него лужа крови. Есть

во всем согласны. Они не ополчаются на Либкнехта и Каутского, — напротив, они глубоко и искренно убеждены, что Либкнехт был соц.-революционер, ей-богу был соц.-революционер. Они не выступают принципиально сторонниками мелкого хозяйства, — напротив, они горой стоят за «социализацию земли», и только невзначай случается им проговориться, что эта всеоб'емлющая, русско-голландская социализация означает все, что угодно: и переход земли в собственность общества и в пользование трудящихся (совсем как у Давида!), и просто переход земли в руки крестьян и, наконец, совсем уже «просто»: даровую прирезку...

«Благоразумные» приемы наших соц.-рев. до такой степени уже знакомы нам, что мы позволим себе, в заключение, дать им один благой совет.

Вы попали в не очень ловкое положение, господа, что и говорить. Все время уверяли, что не имеете ничего общего ни с оппортунизмом и реформизмом на Западе, ни с мелкобуржуазными симпатиями к «выгодному» мелкому хозяйству, — и вдруг является книга заведомого оппортуниста и сторонника мелкого хозяйства, который с трогательной скрупулезностью «копирует» вашу «социально-революционную» программу! Положение, можно сказать, хуже губернаторского. Но не смущайтесь: из него легко выпутаться. Стоит только... цитировать Каутского.

Пусть не думает читатель, что это описка. Нисколько. Каутский ополчается против прудониста Давида, — именно поэтому солидарные с Давидом соц.-рев. должны цитировать Каутского, совершенно так же, как они уже цитировали раз Энгельса. Возьмите № 14 «Рев. России» и вы прочтете там на странице седьмой, что «перемена тактики» у соц.-дем. по отношению к крестьянству «была узаконена» (!!) одним из отцов научного социализма, Энгельсом, — Энгельсом, который ополчился против менявших тактику французских товарищей! Как можно доказать это фокусническое положение? Очень просто. Надо, во-первых, «цитировать» слова Энгельса, что он стоит решительно на стороне мелкого крестьянина (и умолчать о том, что именно эту самую мысль выражает программа русских соц.-дем., зовущая всех трудящихся на сторону пролетариата!). Надо, во-вторых, по поводу «уступок бернштейнианству» со стороны менявших тактику французских товарищей, сказать: «смотри превосходную критику этих уступок у Энгельса». Вот этот самый, испытанный, прием мы советуем господам соц.-рев. употребить и теперь. Книга Давида узаконила перемену тактики в аграрном вопросе. Теперь уже нельзя не сознаться, что можно оставаться в рядах соц.-дем. партии с программной «кооперацией и социализацией»; только догматики и ортодоксы могут не видеть этого. Но, с другой стороны, надо признаться, что Давид, в отличие от благородных соц.-рев., делает некоторые уступки бернштейнианству. «Смотри превосходную критику этих уступок у Каутского».

Право, господа, попробуйте. Может быть, и еще разок выгорит.

[Н. Ленин]

Г-ЖА БРЕШКОВСКАЯ[6] И ЧИГИРИНСКОЕ ДЕЛО.[7]

Полемика по поводу чигиринского дела не прекращается. В № 20 «Рев. Росс.» г-жа Брешковская напечатала «Письмо в редакцию», в котором она говорит, между прочим, следующее:

«Для всех нас, современников чигиринского дела, оно явилось тяжелой неожиданностью... Большинство арестованные, но их, кажется, немного и все лица случайные и посторонние организации. Знаменосцы удачно скрылись.

Пишущему эти строки пришлось быть участником Ветровской демонстрации[8] 4 марта 1897 года в Петербурге. В этой демонстрации принимало участие до 5.000 чел. и она была очень хорошо организована. Вся масса демонстрантов шла тесной, дружной толпой. Ростовская демонстрация значительно отличалась от Ветровской. Число участников демонстрации превышало Ветровскую демонстрацию в 5 — 6 раз, — и именно поэтому невозможно было добиться той стройности и сплоченности толпы, какая наблюдалась на Ветровской демонстрации. Организованные рабочие, рассеянные в толпе в числе до 150 чел., для того чтобы постоянно притягивать массу к знаменам, не в силах были справиться с этой задачей. За шумом, криками и пением невозможно было устроить какой-нибудь порядок, сплотить массу и повести ее стройными рядами. Но внушительность демонстрации не особенно потеряла от этого. Ростовская демонстрация, по сравнению с другими демонстрациями, имеет то огромное преимущество, что в ней приняла участие масса, в количестве чуть ли не тридцати тысяч человек. И поэтому-то ее значение становится особенно крупным. Ростовская демонстрация должна явиться началом ряда массовых демонстраций по всей России.

Ростовская демонстрация явилась превосходнейшим ответом на последний царский манифест и одновременно как бы криком сочувствия партии «Народной Воли», 1 марта 1881 года совершившей свой последней героический акт. Накануне демонстрации состоялось три сходки, на которых присутствовало до 500 человек. На сходках были произнесены речи, посвященные памяти «Народной Воли», террору, как средству борьбы, и последнему царскому манифесту. В заключение на сходках была провозглашена вечная память героям «Народной Воли» — Желябову и Перовской. Таким образом, многие рабочие хорошо знали, зачем они идут на демонстрацию и какой специальный смысл, сверх обычного, имеет демонстрация. Настроение среди рабочих после демонстрации превосходно: организованные рабочие от радости буквально прыгают и пляшут. Отовсюду (и не только от рабочих) сильнейшее требование на литературу, прокламации и листки. Целый ряд рабочих, до сих пор враждебно относившихся к организации, теперь сделались самыми горячими ее приверженцами.

С. Гусев.

сидящих (кроме лиц по нашему процессу, сидели еще не высланные по процессу 50-ти и многие по небольшим отдельным процессам) резко высказывалось против способа действий Стефановича... Знавшие Стефановича защищали его от резких нападок на его личность, кто сильнее, кто слабее, но никто из известных мне деятелей, в том числе и я, не защищали приема*, который употребил Стефанович». Далее она ссылается на покойного Кибальчича[9], который в одном из писем к ней говорит, что, лично познакомившись со Стефановичем в Киевской тюрьме, он, хотя и «кончил тем, что личность Стефановича полюбил», но попрежнему «ненавидел обман и проклинал золотую грамоту».

Это показание г-жи Брешковской, без всякого сомнения, заслуживает большого внимания. Но именно по этой причине его необходимо сопоставить с другими данными, имеющимися у нас по тому же делу.

И прежде всего я попрошу читателя вспомнить напечатанное в № 12 «Рев. Росс.» письмо г. П. Кропоткина. В нем мы находим следующие строки:

«Несомненно, что в 70-х годах мнения русских революционеров насчет подложных царских манифестов, выпущенных в Чигирине, были разделены. Большинство чайковцев было против них; но среди более боевых групп, особенно на юге, Дейч и Стефанович имели не мало сторонников».

Показание г. П. Кропоткина противоречит показанию г-жи Брешковской. По словам этой последней, ни один тогдашний деятель не одобрял приема, употребленного в Чигирине тт. Стефановичем и Дейчем, между тем как г. П. Кропоткин заявляет, что многие революционеры того времени — особенно на юге — сочувствовали этому приему. Он свидетельствует также о том, что революционеры, относившиеся к тт. Стефановичу и Дейчу с безусловным сочувствием, принадлежали к более боевым группам (курсив мой). Это нужно заметить.

Чем же об'ясняется это противоречие показаний? Вполне достаточным об'яснением ему могла бы служить простая ссылка на случайность. У г-жи Брешковской речь идет о лично ей известных деятелях. Можно предположить поэтому, что ей просто не случилось встретиться с людьми, безусловно одобрявшими «золотую грамоту». И тогда останется спросить себя, нельзя ли и этой — на первый взгляд, очень странной — случайности дать рациональное об'яснение? Мы сейчас увидим, что это возможно. Но прежде я хочу, в свою очередь, сообщить читателю то, что известно мне самому об отношении революционеров семидесятых годов к чигиринскому делу.

Ранней весной 1878 года в среде «землевольцев», находившихся в Петербурге и принадлежавших к центральному ядру организации, т. е. к так называемому основному кружку общества «Земля и Воля»[10], при обсуждении вопроса о наиболее целесообразной для нас тактике подавляющее большинство не только отнеслось с полным сочувствием к приему, употребленному в чигиринском деле, но и настаивало на том, что землевольцы должны применять этот прием в своей агитации на Волге. Против этой мысли говорили только два члена основного кружка: я и еще один товарищ, которого я не назову «страха ради иудейска».

Нам обоим она показалась до такой степени идущей вразрез с задачами революционной партии, что мы решили выйти из организации в тот день, когда эта мысль примет характер обязательного для всех землевольцев постановления. Об этом нашем решении мы тогда же сообщили нашим петербургским товарищам, которым мы напомнили при этом, что никакие перемены в тактике не могут быть предприняты до тех пор, пока не опрошены провинциальные члены нашей организации. Поэтому окончание нашего спора было отложено до другого времени. Я не помню, чтобы «землевольцы» возвращались к нему впоследствии. Поэтому я не могу с полной уверенностью сказать, что прием, употребленный в чигиринском деле, одобрялся также большинством провинциальных «землевольцев». И только поэтому в моем предисловии к книге Туна я, говоря об этом приеме, выразился несколько неопределенно, сказав: «я думаю даже, что значительное большинство „землевольцев“ относилось к нему вполне одобрительно (стр. XVII). Насчет мнений тогдашних провинциальных „землевольцев“ я могу только строить догадки. Из всех догадок, возможных в этом случае, наиболее вероятной кажется мне та, что и в провинции большинство моих товарищей безусловно сочувствовало Стефановичу и Дейчу. Но я оставляю догадки и перехожу к фактам. Когда в том же 1878 году начались волнения донских казаков, то прежде всех нас проникший на Дон товарищ Р.,— правда, формально не принадлежавший к обществу «Земля и Воля», но безраздельно сочувствовавший ему и принимавший его программу, — хотел обратиться к «Славному Войску Донскому» с революционным манифестом от царского имени. При этом он собирался выдать себя за царского посланца. Я очень часто встречался с ним именно в то время, — так как я сам принимал участие в агитации между казаками, — и я очень хорошо помню мои ожесточенные прения с ним по этому вопросу. Мне стоило очень большого труда отговорить его от его намерения.

Чем же вызывалось это безусловное сочувствие Стефановичу и Дейчу? Теми самыми соображениями, которые приводил—по его собственным словам—г. Кропоткин, защищая чигиринских агитаторов на собрании русских эмигрантов в Женеве: «Во всей русской истории видно,— говорит он,—как сам народ прибегает к подложным указам, к слухам о царских манифестах и даже к самозванцам, чтобы расшевелить неподвижные крестьянские массы. Такие слухи, так же как и слухи о каком-нибудь Гарибальди,[11] идущем освободить крепостных, или о Стеньке Разине, проявившемся на Волге, всегда были излюбленным средством у зачинщиков из самого народа. Эти зачинщики пользовались, однако, слухами о царских указах и грамотах и т. п. не ради обмана, а скорее как средством защиты или оправдания на случай неудачи. Известно, что не только люди, близко стоявшие к Пугачеву, но и крестьяне внутри России говорили про него: „будь он хоть чортов сын, лишь бы помог извести помещиков и чиновников“. Кроме того, я также указывал на крестьянское движение, начавшееся в восточной Франции в 1788 г. и приведшее в следующем году, в июле, к восстанию в горах и ко взятию Бастилии

* Курсив г. Брешковской.

и на почве которого разыгралась вся политическая революция, вплоть до 1793 г. Изучая это движение, я нашел явные следы, что крестьяне поднимались весьма часто под впечатлением, что король приказал брать господские усадьбы, а затем именем короля жгли уставные грамоты (terriers) и отбирали у господ землю, захваченную ими у сельских общин. Были и „грамоты" и есть даже следы самозванца, — что не помешало однако, два года спустя, тем же крестьянам восточной Франции стоять за своих депутатов, подавших голос за казнь короля и за республику». Читатель должен заметить эти соображения. Хотя действовавшие в России народники и не имели возможности подробно ознакомиться с историей французских крестьянских движений, но психология русских народных бунтов об'яснялась ими совершенно согласно с тем, что говорит о ней здесь г. Кропоткин. И если эти народники решались прибегать к грамотам и манифестам от имени царя или одобряли такие манифесты и грамоты, то и они делали это вовсе «не ради обмана», а потому, что верили в революционную логику стихийного крестьянского взрыва и думали, что, совершившись даже во имя царя, такой взрыв неизбежно приведет к отрицанию царской власти. Эта вера в революционную логику крестьянского движения естественно должна была возникнуть, укрепиться и разрушиться вместе с народничеством. А так как народничество, т. е. тот самобытный русский социализм, о котором говорит т. Дейч, возникло и окрепло лишь в половине семидесятых годов, то неудивительно, что этой веры не было у людей предшествовавшего, донароднического революционного периода, т. е. у людей, сидевших в тюрьме одновременно с г-жей Брешковской. Вот почему между этими людьми и господствовало то отрицательное отношение к чигиринскому приему, о котором говорит г-жа Брешковская. Для них это отрицательное отношение было так же естественно, как естественно было у их непосредственных преемников — народников-бунтарей — безусловное сочувствие Стефановичу и Дейчу. Если я и некоторые другие землевольцы не разделяли этого безусловного сочувствия, то надо сознаться, что наши тогдашние товарищи рассуждали последовательнее, чем мы.

Все дело об'ясняется, стало быть, очень просто содержанием и сменой идей в нашем революционном движении. Вопрос о нравственности русских революционеров различных периодов тут решительно не при чем, и напрасно поднимает его г-жа Брешковская. Она показывает этим только то, чего ей отнюдь не следовало показывать, т. е. что она слишком плохо знакома с историей той «социально-революционной» партии, которую она вздумала защищать. И как странно, как неумело защищает она эту партию!

«Из совокупности некоторых заявлений „Искры" и „Зари" и литературных предшественников их (изд. Гр. «Освоб. Труда»), — говорит она, — революционной молодежи остается только заключить, что вся прошлая работа социально-революционной партии в России была сплошной ошибкой». Жаль, что г-жа Брешковская не говорит нам, какая именно «совокупность некоторых положений» наших может оправдывать это странное умозаключение. Если бы она внимательно отнеслась к нашим изданиям, то она и сама увидела бы, что ничего подобного нельзя заключить из них. В доказательство я могу сослаться хотя бы на первое же литературное произведение первой же русской социал-демократической группы, — на мою брошюру «Социализм и политическая борьба». В предисловии к этой брошюре говорится: «Стремление работать в народе и для народа, уверенность в том, что „освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса", — эта практическая тенденция нашего народничества дорога мне попрежнему. Теоретические же его положения... кажутся мне во многих отношениях ошибочными». Неужели сказать это — значит утверждать, что «вся прошлая работа социально-революционной партии в России была сплошной ошибкой»? Я не знаю, о какой именно «молодежи» говорит г-жа Брешковская; но я думаю, что эта молодежь не лишена элементарного здравого смысла и, благодаря этому, поймет, что несогласие с «теоретическими положениями» известной партии вовсе еще не равносильно «сплошному» осуждению ее деятельности. Притом же та «социально-революционная партия», которую имеет в виду г-жа Брешковская, в свою очередь далеко не была «сплошною». В ней тоже были разные течения, сменявшие друг друга и не обходившиеся без критики. Народники не соглашались со своими предшественниками-пропагандистами; народовольцы резко оспаривали народников. Дурно было это или хорошо? Если дурно, то почему г-жа Брешковская не осуждает их? А если — хорошо, то почему критика, уместная и полезная в том случае, когда ее позволяет себе народник или народоволец, становится вредной, неуместной и безнравственной, когда за нее берется социал-демократ?

Мы никогда не предаем никого анафеме. Мы только дерзаем свое суждение иметь. Да и вообще предавание анафеме не в обычае у людей, которые критикуют, т. е. апеллируют к разуму читателя. За «анафему» охотно хватаются те, которые восстают против критики и, чтобы зажать рот своим противникам, стараются подействовать на чувства своих читателей или на слушателей жалкими словами. На это есть тьма охотников; мы не из их числа.

Если кто предан анафеме, то преданы ей мы и преданы именно в письме г-жи Брешковской. Письмо это написано как раз тем тоном, которым говорят священники и первосвященники, отлучающие грешников от своей церкви. Нас, конечно, не испугают никакие анафемы. Но я замечу г-же Брешковской, что ей следовало бы поместить в какую-нибудь другую статью анафему, приготовленную для Гр. «Освобождение Труда» и «Искры» с «Зарею»... Ведь в ее письме речь шла о том, ошибался или не ошибался т. Дейч, утверждавший, что прием, употребленный в чигиринском деле, был сочувственно встречен рускими революционерами. Г-жа Брешковская находила, что т. Дейч ошибался. Ей и надо было просто заявить это. Но она вообразила, что т. Дейч хотел набросить тень на нравственность революционеров 70-х годов, и потому она решила, в свою очередь, набросить тень на т. Дейча и его нынешних единомышленников. Она погорячилась, вследствие этого все ее показание приняло довольно странный вид. Оно напоминает следующую сцену из очерка Г. И. Успенского «Тише воды, ниже травы»:

... «На вопрос, знает ли она подсудимую, свидетельница отвечала:

— Как не знать-с, ваше высокоблагородие, она мне посейчас два рубля серебром должна. Очень знаем-с!

— Что вы скажете насчет ребенка?

— Да утопила она его, больше ничего-с! Потому она имеет очень вредный характер, ваше сиятельство... она посейчас не может мне, хошь бы по гривеннику в месяц, двух рублей-с" и т. д. и т. д.

Изображенная Г. И. Успенским мещанка-свидетельница поступила бы много тактичнее, если бы не упоминала о том, что подсудимая не отдала ей своего долга; г-жа Брешковская поступила бы много тактичней, если бы умолчала о том, что т. Дейч и его нынешние единомышленники задолжали ей... то бишь — огорчили ее своим очень вредным характером, то бишь своей критикой старых революционных программ и воззрений.

Г. Плеханов.

ИЗ НАШЕЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

НОВОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ЦАРСКОГО «ПРАВОСУДИЯ».

Утверждаю. 3 января 1903 г. Член палаты Бабушкин.
Копия.

Обвинительный акт

о крестьянах Пермской губ., Кунгурского уезда, Серебрянской волости и завода, Василии Семенове Киселеве и Верхотурского уезда, Нейво-Алапаевской волости, деревни Алапаихи: Гаврииле Иванове Кабакове, Иване Григорьеве Глухих, Петре Петрове, Дмитрии Степанове, Иване Емельянове, Павле Петрове и Якове Иванове Залесовых, Иване Александрове, Андрее Иванове, Степане Федорове, Петре Петрове, Андрее Потапове, Александре Иванове, Николае Федорове, Василии Федорове и Николае Николаеве Кабаковых, Семене Евгеньеве Глухих и алапаевском мещанине Иване Львове Крылове.

В 11 час. ночи 21 ноября 1902 г. на Верхне-Тягунский рудник, Нейво-Алапаевского завода, Верхотурского у., образующий отдельный поселок, было сделано нападение 18 злоумышленниками, приехавшими на лошадях, запряженных в коробки. В этом поселке имеются казармы и два магазина, в которых хранились различные горные инструменты, вагонные оси, стрелки, пожарные машины и др.; в том же поселке находится лавка, принадлежащая крестьянину Тим. Вяткину, и пекарня, в которой проживал Вяткин с женой и два его работника, Яков и Михаил Борисовы. Напавшие на поселок лица имели при себе огнестрельное оружие, топоры и ломы. Для устрашения обитателей поселка они стали стрелять, били в стены пекарни и в то же время, сломав у двери лавки запор, разграбили весь оказавшийся там товар, которого, как видно из показаний Вяткина, было на 115 рублей. На запертых дверях обоих магазинов были усмотрены: у одного магазина — следы ударов ломом, у другого — раскол дерева около замка и повреждение накладки запертого замка, но проникнуть в магазин злоумышленникам не удалось. В запертой казарме ими были сломаны рамы и из казармы похищена пожарная машина. Уезжая с награбленным по направлению к Нижне-Тягунскому руднику, грабители стучали в двери пекарни и кричали Вяткину: «Где у тебя именье? Что мало в лавке? Сказывай, а то убьем!», после того разбили в пекарне стекла, а один из них кричал Вяткину: «Не выходи до света; а если выйдешь, то убьем; считай за счастье, что даем тебе душу на покаяние». После их от'езда Вяткин и бывшие с ним услышали с Н.-Тягунского рудника сильные крики и выстрелы. На этом последнем руднике имеются контора, два магазина с горными инструментами, казармы, дом смотрителя рудников Пастухова и еще несколько построек. В'ехав в этот поселок, злоумышленники, как видно из показаний проживающих на руднике штейгера Деева и караульного Кропанцева и кухарки отсутствовавшего из дома Пастухова Марфы Пыриной, прежде всего стали стрелять и бить рамы и стекла в конторе и доме Пастухова. Они стреляли прямо в строения: так, одна пуля ударила в квартире Пастухова с улицы в окно во внутреннюю дверь кухни и пробила ее, едва не задев Пырину, стоявшую в кухне около этой двери. Кроме сего, после нападения Деев видел в стеклах окон Пастухова два круглых отверстия от пуль, а по осмотру при следствии одного из магазинов рудника на его двери оказалось семь пулевых отверстий. Тем же осмотром установлено, что при нападении на Н.-Тягунский рудник в конторе были сломаны летние рамы и стекла в зимних, дверная дверь (?) рассечена топором, дверная скоба изогнута, в казарме в двух окнах сломаны летние рамы, у дверей первого магазина вырван у замка пробой, то же оказалось и у двери второго магазина, у которой, кроме того, был согнут внутренний запор и на косяке имелось более десяти вдавлин от лома. Упомянутый выше караульный Кропанцев при следствии показал, что 21 ноября в 11 час. ночи он увидел, что от В.-Тягунского рудника под'езжает саней 15; он пошел к ним, как вдруг из кошевни выскочил мужик, выстрелил навстречу ему из револьвера, а за ним стали стрелять и другие, сидевшие в коробках. Кропанцев побежал назад, к квартире штейгера Деева. Последний приказал ему также выстрелить. В это время напавшие стали громить контору и дом Пастухова и грабить магазины, причем крики, ругань и выстрелы продолжались часа полтора. Кропанцев побежал на соседний Зыряновский рудник № 12 и дал знать о случившемся штейгеру Чернавину. Последний с некоторыми рабочими тотчас же приехал на Н.-Тягунский рудник. Злоумышленники, занятые у магазинов нагрузкой в коробки награбленного имущества, не заметили его прибытия. Он пытался подойти к ним и сделал несколько выстрелов на воздух, желая устрашить грабителей, но его ружье сделало осечку; грабители же, заметив, что защитников рудника мало, стали сами стрелять и бросились на Чернавина, который должен был отступить с сопровождавшими его лицами. Один из них, Г. Ф. Киселев, при следствии показал, что, убегая от погнавшихся за ним, он успел забежать в ворота дома Пастухова и замкнуть их. Гнавшийся ударил чем-то по воротам и сказал: «прав, что успел забежать». Призвать помощь против грабителей не представилось возможности, так как они перед нападением сорвали проволоку телефона, соединявшего рудники с Нейво-Алапаевским заводом.

Рабочий соседнего Зыряновского № 12 рудника Федор Борисихин, посланный той же ночью Чернавиным в Н.-Алап. зав. известить администрацию последнего о нападении на рудник, и проследил, что обоз лиц, совершивших разграбление рудников, направился в сторону дер. Алапаихи, отстоящей верстах в восьми от Тягунских рудников, и свернул с проезжей дороги в поле этой дер. к овинам по целому снегу.

При производстве полицией в ту же ночь розысков в указанном Борисихиным направлении были усмотрены свежие санные следы по снегу, шедшие к полям кр-н д. Алап. в разных направлениях и затем терявшиеся на улицах этой дер. В поле, вблизи означенных следов, оказалась зарытою в снег часть похищенных в Тяг. рудн. вещей.

Утром 22 ноября по дороге на Тяг. рудн. проезжавшими туда лицами было замечено на дереве об'явление, написанное карандашом на полулисте серой бумаги, без подписи, где от имени неизвестных лиц, рабочих на рудниках, говорится, что они — не воры, а только голодные, как волки, люди, что их неволя заставляет воровать, что они будут грабить до тех пор, пока работа не направится, и убьют смотрителей за то, что те не уважают народ.

Так как почерк, которым написано это об'явление, по об'яснению алап. вол. старшины Коробкина, оказался похожим на почерк кр-на Алап. Ив. Гр. Глухих, то при следствии произведено было сличение их, причем эксперты пришли к заключению, что об'явление несомненно писано Ив. Глухих.

Изложенные данные дали указание на то, что лицами, разграбившими Тяг. рудн., были кр-не дер. Алапаихи.

При розысках лиц, принимавших непосредственное участие в разграблении Т. рудн. и похищенных вещей, утром 22 ноября полицией в усадьбе кр. д. Ал. Дм. Залесова были найдены зарытыми в снег 27 жел. шпал и др. предметы, а в подвале дома кр. П. Залесова — три лома; лошади того и другого оказались сильно вспотевшими. Упомянутый выше торговец, он же и сторож В.-Тяг. рудн., Вяткин и его жена, находясь при разграблении рудника в пекарне, признали по голосу, что в числе злоумышленников был кр. д. Ал. И. Залесов, что с положительностью и удостоверили при производстве следствия.

29 ноября полиц. урядник Бердышев, производя розыски, дознал, что кр-н И. Глухих и мещ. И. Крылов 25 ноября признались кр-ке Кабаковой, что они участвовали в нападении на рудн. и расхищении с них разного железа, и указали места, где это железо лежит. В указанных местах полицией было найдено три воза различных вещей, похищенных с рудников в ночь на 22 ноября.

Привлеченный вследствие сего к делу в качестве обвиняемого, Ив. Крылов признал себя виновным в нападении на рудники и участии в их разграблении и об'яснил, что кр-не д. Алап. вынуждены заниматься горными работами с давних пор; отцы и деды их этими работами «возвысили» завод, но в последнее время заводоуправление стало принимать на работы пришлых людей и отдавать им самые выгодные, лучшие раб., как, напр., Вяткину, а им, жителям д. Алап., дают возку руды — такую работу, которая плохо оплачивается. Доведенные всем этим, по об'яснению Кр., до крайне бедственного положения, кр-не дер. Алап. с месяц совещались, как им быть, и надумали добыть себе хлеб и отомстить за обиду, расхитив железо и пр. из рудничных складов и «напакостить» вместе с тем «иностранцу» Вяткину, что и исполнили в ночь на 22 ноября, выбрав для этого Тяг. рудн., потому что на них работы самые выгодные. Желающих ехать на рудники было много, и поехали на 16 подводах, ни от кого не скрываясь. В нападении участвовали (такие-то, 17 обвиняемых — все кроме Киселева и Гавр. Кабакова).

Все перечисленные лица, допрошенные в качестве обвиняемых, признали себя виновными в нападении на В- и Н.-Тяг. рудн., причем об'яснили: И. Глухих — что снятое с дерева об'явление написано им по уговору с своими товарищами: П. Залесов — что, приехав на рудники, они стреляли, чтобы досадить рудничной администрации; при разграблении магазинов замки на обоих рудниках ломали Ив. Крылов и И. Глухих; обв. Я. Залесов — что он похитил три пилы и рельсы, всего до 15 пудов; И. Кабаков взял себе из лавки Вяткина до 14 пудов овса и 4 пуда сахара, большую часть этого издержал, а остатки выдал уряднику Бердышеву; А Кабаков — что во время нападения при нем была пешня и что он привез домой и спрятал на гумне ок. 15 пуд. железа, которое и было найдено урядником; С. Кабаков — имел при себе берданку, которую во время нападения взял у него И. Глухих; Кабакову из похищенного также досталось ок. 15 пуд. жел. вещей, которые он скрыл в поле, близ дер. Алапаихи, где они на другой же день и были найдены полицией; П. Кабаков — что во время грабежа на рудниках в его сани была положена пожарная машина; А. Кабаков — что он во время нападения не имел своей лошади, и ему досталась сыромятная кожа и рукавицы, похищенные, по словам Вяткина, из лавки последнего; Н. Кабаков — что дорогою на рудники Д. Залесов оборвал у телефона проволоку и что ему, Кабакову, достались из похищенного десять ломов, найденных при розыске; В. Кабаков — что на рудниках били стекла и ломали замки Крылов и И. Глухих и что он, обвиняемый, получил 28 ломов и 7 осей; Н. Кабаков — что во время похищения ему набросали в коробок стрелки, которые он спрятал у себя на огороде, где они и были найдены; обв. С. Глухих — взял, по его словам, до 10 п железа и помнит, что бочку с керосином из лавки Вяткина увез И. Залесов.

При исследовании мотивов преступления, составляющего предмет сего дела, выяснилось след.: кр-не дер. Алапаихи, имея незначительные земельные наделы, с давних пор добывают себе средства к существованию преимущественно работою на рудниках Алап. зав., получая достаточную плату для того, чтобы могли жить безбедно (?!), хотя всегда были недовольны ею и просили постоянно прибавки. В 1902 г. плата за работу на рудниках стала понижаться, а кроме того к осени работы на некоторых рудниках были сокращены или даже совсем прекращены до нового года, благодаря чему заработок кр-н дер. Алапаихи уменьшился; это вызвало среди них ропот, они стали высказывать неудовольствие на заводскую администрацию. К этому присоединилось еще и то, что иногда расчет с рабочими стали производить не два раза в месяц, как было раньше, а только один раз, а вместе с тем, вместо денег, рабочим нередко выдавались администрацией рудников купоны на получение, в счет заработной платы, товара из общественной потребительской лавки Н.-Алап. зав., но в ней рабочие не всегда находили нужный для них товар и принуждены бывали взятое ими в лавке, за ненадобностью, перепродавать с убытком для себя, чтобы выручить деньги на покупку необход. для себя предметов.

С октября месяца кр-не дер. Алапаихи стали собираться на сходки, куда пускали не всех.

Как видно из показаний обвин. А. И. и А. П. Кабаковых, П. Залесова и С. Глухих, — эти сходки собирал пользующийся среди алапаевских крестьян исключительным влиянием и доверием крестьянин Гавриил Иванов Кабаков; сходки происходили в его доме, а также в доме И. Ф. Кабакова и в пожарной. В этих сходках участвовал приезжавший для сего в Алапаиху кр-н Кунг. у. Серебр. зав. Василий Семенов Киселев, знакомый только Г. Кабакову и выдававший себя за студента. На упомянутых сходках Киселев читал книжки крестьянам и давал об'яснения. Так, на сходке у И. Кабакова Киселев внушил собравшимся, что вся земля отдана капиталистам, что крестьяне должны отбирать у владельцев открытою силою все, что крестьянам надо, и грабить рудники (?). К тому же Киселев склонял крестьян и 30 октября на сходке в пожарной, причем Г. Кабаков говорил собравшимся, чтобы они слушались советов этого человека. По словам А. Кабак. и С. Глухих, алапаевцы и решились напасть на рудники, благодаря увещаниям и уговорам Киселева; по указаниям Г. Кабакова они поступали и сгубили себя тем. Эти об'яснения обвиняемых вполне подтверждаются свидетелем, доверенным алапаевского общества О. С. Кабаковым, который показал, что сходку 30 октября собрал Г. Кабаков и привел туда неизвестного молодого человека, оказавшегося впоследствии Киселевым. Последний стал беседовать с собравшимися крестьянами и говорил: «Вот у вас землю отбирают и отдают капиталистам, у которых надо отбирать все открытою силой и грабить их. Вот вы получаете на рудниках за куб. саж. 1 р. 40 к. — какая это плата? Надо выбивать с них плату, как следует». Он много еще толковал об этом и поносил правительство, причем предупреждал: «Смотрите, братцы, если кто вынесет нашу беседу, того через два дня не будет». Свидетель также удостоверяет, что Г. Кабаков говорил крестьянам, чтобы они слушались этого человека и следовали его советам. После этой сходки, по словам свидетеля, алапаевские крестьяне стали собираться и совещаться о чем-то и, наконец, в ночь на 22 ноября совершили нападение на рудники.

Привлеченные к делу в качестве обвиняемых, В. Киселев и Г. Кабаков не признали себя виновными в подстрекательстве к разбою и показали: Киселев — что он бывал в Алапаихе у своего знакомого Г. Кабакова и они иногда почитывали. О сходке 30 октября он знал заранее и был на ней. Во время сходки он беседовал с крестьянами, интересуясь их жизнью, расспрашивал о заработной плате и читал им книжку о благоустройстве крестьян и об обязанностях волостного и сельского начальства. Г. Кабаков при допросе утверждал, что никаких сходок он не устраивал и крестьян к нападению на рудники не подстрекал; к нему действительно ходил какой-то молодой человек, по имени Василий, который ухаживал за его дочерью; ни в какие беседы он с ним не входил и фамилии его не знал. Но, кроме вышеизложенного, приведенное об'яснение Г. Кабакова опровергается показанием десятского Евсеева, который случайно попал в октябре на сходку в доме И. Кабакова. При входе его Г. Кабаков сказал ему: «Тебе здесь дела нет, оно тебя не

касается, ты — полицейский». Евсеев ответил, что он никому не скажет того, что услышит. Тогда Г. Кабаков, очевидно хорошо понимавший преступность происходившего, предупредил Евсеева: «Смотри, выбирай из двух любое, или тебе — крышка».

На основании вышеизложенного, крест. д. Алапаихи: И. Глухих, 21 г., Пав. Залесов, 39 л., Д. Залесов, 24 л., Петр Залесов, 39 л., И. Залесов, 25 л., А. Кабаков, 22 л., С. Кабаков, 24 л., Л. Кабаков, 22 л., А. П. Кабаков, 20 л., А. И. Кабаков, 23 л., Н. Кабаков, 30 л., И. Кабаков, 37 л., Я. Залесов, 24 л., В. Кабаков, 30 л., С. Глухих, 19 л., Н. Кабаков, 21 л., мещ. И. Крылов, 27 л., кр-н Гавр. Ив. Кабаков, 52 л., В. Киселев, 22 л. обвиняются: первые 17 чел. в том, что, склоненные убеждениями Гавр. Кабакова и Вас. Киселева, вследствие враждебных отношений к н.-алапаевскому заводоуправлению и администрации заводских рудников, а также к крестьянам других деревень, работающих на этих рудниках, возникших на почве экономических отношений, они, по предварительному между собой соглашению, 21 ноября 1902 г. в дер. Алапаихе образовали публичное, на глазах жителей этой деревни, скопище и соединенными силами совершили вооруженное нападение на поселение при В.- и Н.-Тягунском рудниках, где разбили рамы и стекла в нескольких жилых зданиях, сломали замки у лавки торговца на В.-Тягунском руднике и у материальных складов на Н.-Тягунском руднике и открыто похитили из первой — товар торговца, а из вторых — разное рудничное имущество, для совершения какового похищения они, с целью устрашения лиц, проживающих в означенных поселках, и устранения их сопротивления, производили выстрелы из огнестрельного оружия и произносили угрозы, явно опасные (?) для жизни этих лиц, т. е. в преступлении, предусмотренном 13, 1 ч. 269[1], 1629 и 1632 ст. Улож. о нак.; Вас. Киселев и Гавр. Кабаков — в том, что, не принимая непосредственного участия в описанном выше скопище и похищении имущества, убеждениями и подговором склонили указанных выше лиц составить это скопище и совершить нападение на поселение при рудниках, с целью открытого похищения находившегося там имущества, что этими лицами и было исполнено 21 ноября 1902 г., т. е. в преступлении, предусмотренном 3 ч. 269[1], 13, 1629 и 1632 ст. Улож. о наказ.

Вследствие сего и на основании 201[1] ст. Уст. угол. судопр. все вышепоименованные обвиняемые подлежат суду Казанской судебной палаты с участием сословных представителей. Обвинительный акт составлен 28 дек. 1902 г. в г. Казани.

Подлинный подписал прок. Каз. суд. пал. Кичин.

Свидетелей — 35 чел., обвиняемых — 19 чел.

* * *

Товарищ, приславший нам этот документ, пишет:

«Насколько мне известно, алапаевское дело является первым, в котором самодержавное правительство в своей злобе на самоотверженных борцов за народную долю применяет к ним обвинения уголовного и исключительно уголовного характера. Обвинение Ларионова (процесс 193-х) в похищении лошади и телеги у волостного старшины, когда ему необходимо было немедленно скрыться от угрожавшего ареста, терялось в массе политических обвинений и не производило никакого впечатления. Положение В. Киселева и Г. Кабакова существенно другое. Правительство обвиняет их исключительно в уголовных преступлениях, вопреки всем фактам, выяснившимся на следствии, как судебном, так и жандармском, ведшемся параллельно. Стремясь не только каторжным приговором обезвредить своих политических врагов, но и „опозорить" их в глазах общества кличкой уголовного преступника, правительство, в лице прокурора *, не обращает внимания даже на им составленный обвинительный акт. Г. Кабаков сносится с революционными деятелями, помогает им и сам участвует в их революционной деятельности, организует рабочих и крестьян, устраивает революционные собрания, находит для них оратора, руководит ими и т. д. и т. д. В. Киселев сносится с революционерами, произносит революционные речи на сходках, агитирует среди рабочих и крестьян, говорит им о невыносимо низкой заработной плате рабочих, об обезземелении крестьян * при помощи «Закона о наделении крестьян замлею», призывает их ко всенародному восстанию за социализм («отобрать все — у капиталистов — открытою силою»). Все это говорит правительство в обвинительном акте — и правительство же, подчеркнув, что Киселев и Кабаков знали «всю преступность» своих действий, отдает под суд за подстрекательство к разбою и грабежу! Революционер открывает рабочим светлую картину грядущего социализма — самодержавие обвиняет его в подстрекательстве к грабежу! Революционер призывает ко всенародному восстанию — правительство ссылает его на 14-летнюю каторгу ** за «подстрекательство к разбою»! Какое циничное лицемерие!

Ссылка на каторгу по уголовным обвинениям за пропаганду и агитацию и полевой суд *** за демонстрацию, переходящую в восстание, — вот, на-ряду со старым, изведанным в годину 1 марта, средством лживо-либеральных указов, те новые средства, которыми самодержавие пытается отдалить свою неминуемую гибель. Но китайская стена, которою правительство старается замкнуть рабочий класс в невыносимой сети дикого крепостничества, разнузданного капиталистического барышничества и всепроникающей бюрократической регламентации и заградить рабочим путь к знанию верных и действительных путей борьбы, — эта китайская стена разрушается самою жизнью в самых глухих уголках царской державы. И в том же Алапаевском заводе, из округа которого сослано на каторгу два сознательных революционера и 17 рабочих и крестьян, виновных лишь в том, что они «голодны, как волки», что, благодаря самодержавному строю, они еще не сознали верных путей борьбы, — в этом самом заводе правительство вынуждено снова бороться с непрекращающимся движением, производить новые и новые обыски и аресты. «Уголовные» приговоры не остановят революционеров, знающих, за что они борются и идут на каторгу, и с гордым презрением отвергающих предложения лицемерного правительства купить избавление от такого приговора ценою измены дорогому делу борьбы ****. Не революционеры, а само правительство опозорится этим приговором в глазах всего народа, который теперь все яснее сознает, где его друзья, где его враги. Грозной волной движения отзовутся томские полевые суды по всей России и сделают еще ближе, еще грознее то желанное время, когда все писаные и неписаные «обвинительные акты», сочиненные самодержавием против народа и его вождей — революционеров, сложатся в один и безмерный обвинительный акт о самодержавии, когда в ответ на лживые слова царских указов о веротерпимости восставший народ скажет свое непреклонное: «Нет терпимости для самодержавия и его носителей!».

У Г. И. Кабакова взято письмо его сына, студ. Спб. Лесного инст., в котором тот говорит о революционном движении и выражает свою уверенность в том, что восстание неизбежно. По слухам, Кабаков-сын арестован в Спб.

По поводу дела Гоца. Сообщаем, по просьбе нашего друга, известного итальянского социалиста Э. Ферри, его письмо к Плеханову:

---

* Этот прокурор — «знаменитый» Кичин, который в 80-х годах прославился в Петербурге как свирепый и реакционный председатель суда, а в 90-х годах как самый зловредный «политический» прокурор. После ветровской истории, в которой Кичину принадлежала главная роль, его пришлось убрать из Петербурга.

* Об этом невероятном даже в России законнообставленном преступлении уральских заводчиков мы надеемся поговорить в особом письме.

** Приговор последовал.

*** Так, по утверждению осведомленных судебно-административных властей, будет в Томске.

**** В. Киселеву предлагали освободить его от каторги и не привлекать его к этому делу, если он подаст на «высочайшее имя» прошение о помиловании и выдаст всех революционеров, с которыми имел дело и от которых получил издания «Искры» и другие найденные у него революционные издания.

Дорогой друг, прошу вас сделать следующие поправки к известию, напечатанному в № 36 «Искры»:

1) Энгель (Зильберфарб) не обвинялся в сообщничестве с Балмашевым: он был арестован в административном порядке и освобожден после того, как ваше свидетельство в его пользу было сообщено мною министру Джиолитти.

Бумаги, взятые у Гоца при аресте, не были показаны, ни русскому консулу ни другим лицам. Вследствие протеста Гоца они были положены в запечатанный конверт и министр Джиолитти обязался предо мною не сообщать их никому. Они будут сегодня же посланы Михаилу Гоцу, который только что освобожден по постановлению обвинительной камеры, высказавшейся против выдачи.

Я счастлив тем, что мог содействовать такому хорошему результату.

Шлю вам свои приветствия и остаюсь ваш Энрико Ферри.

Студенческие волнения в С.-Петербурге. Сходка слушательниц Женского медиц. института, имевшая целью протестовать против новых, стеснительных для студенток правил об экзаменах, привела к закрытию института 11 марта. Это обстоятельство послужило толчком к движению в университете. 18 марта студенты устроили сходку, на которой большинством 496 голосов против шести принята резолюция, выражающая солидарность студенчества с участниками февральских и мартовских демонстраций этого года, протестующая против поведения начальства Медицинского института, отвергающая снова легальные организации и приглашающая всех студентов к устройству «общенародного» митинга протеста против самодержавия.

Университет был закрыт. Появилось правительственное сообщение, которое об'являет главным виновником беспорядков... студенческую столовую. В этой столовой-де происходят собрания, читается «подпольная» литература, устраиваются конспиративные свидания... Закрытие столовой решено гг. Плеве и Зенгером. Не нужно лучшей иллюстрации к усвоенной уже студенчеством истине, что «легальные организации» при самодержавии всегда висят на волоске. Пресмыкающаяся пресса сочла своим долгом заняться увещанием студентов. «Петербургские Ведомости» пытаются даже взывать к «патриотизму», туманно намекая на предстоящие важные события на Балканском полуострове. Нам кажется, что кн. Ухтомский, если ему непременно хочется толковать о студенчееском движении, должен был бы прежде всего рассказать своим читателям о первом акте или, вернее, прологе мартовских беспорядков. Таким прологом был протест, посланный ему почти 400 студентками Медицинского института и клеймящий то недостойное отношение, которое «Петербургские Ведомости» проявили к манифесту 26 февраля. Получив эту, заслуженную, впрочем, пощечину, от учащейся молодежи, кн. Ухтомский может отказаться от мысли влиять на студенчество. Там, где нет и тени уважения, какая же может быть речь о влиянии?

Екатеринослав. Как сообщалось в предыдущем №, студенты Высш. горн. училища решили продолжать забастовку, не обращая внимания на то, что их товарищи, из-за которых началось движение, недостойно повели себя, обратившись к царю с просьбой о помиловании. Организационный Комитет студентов, призывая к продолжению движения с требованием предания студентов-демонстрантов гласному суду, с достаточной резкостью отозвался о поведении гг. Шахновича, Карпова и других, подававших слезницы. В ответ появилось протестующее письмо одного из них, требовавшее, чтобы дело было рассмотрено судом чести.

19 марта в училище была довольно бурная сходка, продолжавшаяся с 11 часов утра до шести часов вечера. На сходке после обсуждения вопроса о поведении студентов, пославших телеграмму министру внутренних дел, решено было предать их суду чести, причем сходка признала, что хотя Организационный Комитет вполне прав принципиально в своем осуждении поведения просивших о помиловании, не должен был, однако, так резко их аттестовать в своей прокламации (?). По вопросу о том, продолжать ли забастовку, сходка разделилась на две партии: небольшая часть (человек 60) стояла за возобновление занятий и заявила, что не подчинится решению большинства, постановившего продолжать забастовку. 20 февраля в училище никто не пришел. Говорят, что училище закроют до осени.

Вот подлинная речь одной учительницы местной женской гимназии, г-жи Г. В. Юрченко, сказанная ею 19 февраля в одном из старших классов гимназии:

«Дети, вы, наверное, знаете, что сегодня день освобождения крестьян. Их освободил император Александр II и этому содействовали многие ученые люди; делали они это не исподтишка, как это делают теперешние глупые молодые люди, которые подбрасывают ночью под заборами прокламации и думают, что из этого что-нибудь выйдет. Но напрасно: из этого ничего не выйдет. Если бы они были люди честные и действительно любящие свой народ, то они бы открыто написали царю, что он ошибается; ошибаться может каждый человек, тем более человек, которому нужно делать не одно дело, а сто дел в день. Как отец заботится о своем семействе, так и царь — о своем народе. Ему жалко каждого кусочка земли, каждого человека; поэтому он постарался бы исправить ошибки. Но написать им не позволяют (!!), потому что они не пишут как люди хорошие и честные, а поносят правительство; если им не нравится какой-нибудь чиновник, они сейчас поносят все правительство и стараются пустить какому-нибудь нашему благодетелю (!) пулю в лоб. Вы же, дети, старайтесь этого не делать (!). Вам может попасться человек старый, который своим красноречием завлечет и вас, но вы не обращайте внимания, ибо такие люди недостойны уважения, но достойны презрения».

Хорошо говорит г-жа Юрченко. Мы только опасаемся, что после ее туманных фраз гимназистки должны были почувствовать непреодолимую потребность узнать, в чем же собственно дело, а для этого разыскать те прокламации, которые сочиняют «глупые молодые люди», среди которых, впрочем, по уверению г-жи Юрченко, бывают и совсем старые.

«Земщина» у ног «опричнины». Печатаем полностью позорный «всеподданнейший адрес», которым разразились орловские земцы, руководимые Стаховичем в ответ на царский манифест от 26 февраля. Нелепый писк орловских «излюбленных людей» не требует никаких комментарий: своим пресмыкательством перед правительством г-на Плеве, своим «киванием на Петра» — на «смуту», якобы мешающую каким-то «царственным трудам» (может быть, «трудам», направленным на окончательное культурное опустошение России?) — всеми этими, столь обычными для земцев свойствами их политической «деятельности» орловский адрес говорит сам за себя. Скажем одно только: «оппозиция», которая с такой готовностью помогает правительству одурачивать общественное мнение, может быть уверена, что ее, в свою очередь, не преминет паки и паки надуть та чиновничья шайка, которой она оказывает эти недостойные услуги.

Стахович с братией нагло выступают «как представители всего населения». Они хорошо знают, что у «всего населения» нет легальных средств протестовать против этого политического самозванства, против этой земской фальсификации истинных мыслей и чувств большинства русских граждан. Долг представителей той «смуты», которая в настоящее время является единственной блюстительницей чести русского народа, — добиться того, чтобы мнение «всего населения» о царском манифесте и о лакейских ответах на него гг. Стаховичей было выражено громогласно и недвусмысленно.

Вот этот позорный «адрес»:

«Адрес чрезвычайного Орловского Губернского Земского Собрания 18 марта 1903 г. Ваше Императорское Величество! Как торжественный благовест, пронесся над ширью Русской земли всемилостивейший Манифест... И Губ. Земск. Собрание, как представитель всего населения, всех верных подданных Вашего Величества на простран-

стве Орловской губ., считает долгом засвидетельствовать, что в ответ ему сердца наши забились радостью и надеждой: радостью — за лучшее, предвозвещаемое с престола время; надеждой — на его незамедлительное наступление.

Чуть не четверть века уже тяготеет и гнетет русское государство указанная Вашим Величеством смута, мешая царственным трудам, задерживая свободный рост народный, угнетая деятельность общественную. В общем государственном деле духовная неурядица, напуганное недоверие, незаслуженная обида отягчались сложными экономическими потрясениями, многолетними невзгодами, видимым, ясным для огорченного нашего взора общим упадком народного благосостояния.

Но пуще страха, обиднее всех потерь принижал гражданскую бодрость самых верных и рьяных слуг Вашего Величества гнет безнадежности перед трудностью довести до ведома Вершителя всех жребиев отчизны многосложное разнотолкованное слово о накопившихся за эту четверть века нуждах, о непосильной тяготе и неудовлетворенных законных потребностях.

Вот почему, Государь, воспрянули сердца радостью и надеждой при благой вести, что сложные многообразные нужды земли достигли Царя и во имя священного обета, принесенного при венчании перед лицом Всевышнего, Вы с непреклонной решимостью незамедлительно удовлетворить назревшим нуждам государственным изволили преподать свою неизменную волю о водворении на Руси „порядка и правды в соответствии с возникающими потребностями народной жизни", и первой из потребностей русской души— „заветов полной веротерпимости" и самой основы русской земли — „упрочения народного хозяйства и всего сельского населения", и самой дорогой для русского верного гражданина — „уверенности каждого в прочности его прав".

Помня могущество ничем неограниченной воли Верховного Вождя России, присоединяя свою молитву о благословении Богом Ваших царственных трудов, неспособные уже смущаться и пламенно чающие предвозвещенного, мы понесем с обновленною бодростью и живым усердием свою службу Государю и Родине.

И не с заносчивым дерзновением или дерзостным притязанием, а в прямодушном усердии отклика на милостивый призыв Вашего Величества „к единению всех верных сынов отечества для исполнения Ваших помышлений об усовершенствовании государственного порядка", мы просим Вас, Государь, чтоб по разработанным предположениям о переустройстве управления в приходе, уезде и губернии, в целях „усиления способов непосредственного удовлетворения многообразных нужд сельской жизни", предварительно внесения их в Государственный Совет, было опрошено самое земство. Чтобы Царем был услышан голос правимых, над кем законы применяются, а не только голос создающих законы и правящих, голос земства, голос людей, призванных по древнему московскому слову „Его, Государево, земское дело укрепить и на вере поставить", голос земства, крепче чиновников связанного с землей и народом, бескорыстнее их преданного самодержавию и неустанно несущего свою присяжную службу.

Тогда перед мудростью Царской, хотящей правды ради согласия с вверенной Ей Промыслом землей, предстанут единовременно: и усердные предположения правящей власти, и нелицемерные выражения местных польз и нужд народа, как они им понимаются. И законом, по воле Вашего Величества, станет самое пригодное их сочетание, самое надежное для водворения в государстве и порядка и правды.

Поверьте, Государь, что земство выскажется тогда по столь близкому делу, как мы высказываемся теперь: с бестрепетным усердием, исходящим из сознания долга и правды нашей верности и преданности; с желанием добра и горячей любовью к Родине и Царю, всенародно свидетельствующему о Своей заботливой любви к Ней и к нам»

Откровенные беседы между «друзьями» русских рабочих.

М. Ф.
Старший фабр. инспект.
Спб. губ.
11 янв. 1903 г., № 2.

Копия. Секретно.
Его Пр-ству г. Управляющему
Отдел. Промышленности.

Имею честь донести Вашему Пр-ству, что 3 января сего года фабр. инсп. Спб. губ. 12-го участка, А. П. Якимову, было сообщено заведующим Невской бумагопрядильной мануфактурой, что к нему явилось около 30 подручных, работающих на мюлях, с просьбой довести до сведения местного инспектора об их желании добиться увеличения заработной платы, составляющей в настоящее время 50 проц. заработка прядильщиков, до 75 проц.

9 числа мною получен от г. Градоначальника рапорт пристава 3-го уч. Рождественской части о том же событии с надписью г. Гр-ка явиться к нему для доклада.

9-го вечером фабр. инсп. Якимов уведомил меня по телефону, что, посетив в этот день фабрику, он принял вышеуказанное заявление от рабочих, которые при этом помянули, между прочим, что подобные же требования будут, вероятно, пред'явлены и на других фабриках; с рабочими он условился назначить подробные переговоры по поводу их пожеланий в субботу, 11 января, от 2 до 4 час. дня.

10 сего янв. я явился к г. Гр-ку и имел с ним разговор в присутствии начальника Охранного Отд. ротмистра Сазонова; затем, по желанию г. Гр-ка, последний в кратких чертах осветил мне деятельность народившихся в Спб. рабочих организаций, а затем нами троими был установлен по взаимному соглашению способ действий на случай пред'явления подобных вышеуказанному требований со стороны рабочих и в других промышленных заведениях.

Так как сейчас упомянутый разговор о раб. организациях с г. Гр-ком явился продолжением разговора, имевшего место 3 января с. г., я считаю своим долгом представить Ваш. Пр-ству вкратце и о том и о другом.

3 января г. Гр-к, вызвав меня по телефону, спросил, знаю ли я что-нибудь верное о собраниях рабочих, и, получив в ответ: ничего, кроме слухов, заявил, что и сам он в этом отношении не в курсе дела и первые сведения по этому поводу получил, будучи в отпуску, из газет, прочтя о представлении депутатов от рабочих гг. и. д. Гр-ка, директору Деп. Пол. и Мин. Вн. Дел; что такое положение дел, когда Гр-к и фабричная инспекция не имеют сведений о вопросах, интересующих в данный момент рабочих, он считает безусловно ненормальным, так как, в конце-концов, никому другому, а им же придется разбирать недоразумения, возникновение которых всегда возможно при подобных условиях, вследствие чего он находит необходимым представить по сему поводу г. М. В. Д. приблизительно нижеследующие свои соображения: те или иные организации рабочих, имеющие целью добиться улучшения их быта и материальных средств путем самопомощи, крайне желательны, и время для осуществления их настало, а потому, конечно, Государство должно стать во главе движения и оказать рабочим возможное в этом отношении содействие, но так как подобным организациям придется иметь дело с самыми разнообразными представителями капитала в виде казенных заводов, порядки на которых неоднократно вызывали серьезные недоразумения, и с частными предпринимателями, в среде которых весьма много иностранцев, едва ли расположенных вполне доброжелательно к нуждам русских рабочих, то вопрос о наилучшем устройстве рабоч. союзов, как затрагивающий самые разнообразные интересы, было бы необходимо обсудить в самом незамедлительном времени в совещании с представителями всех ведомств, коими и мог бы быть выработан подлежащий законопроект, причем, по его мнению, закон должен поставить все организации в строго определенные рамки, соответственно целям каждой, и обратить внимание на полную гласность делопроизводства; никоим же образом, по его мнению, нельзя допустить в этом деле руководства какого-либо одного административного органа, в особенности же со стороны Департамента Полиции, деятельность коего, в силу особых условий, ей присущих, всегда может вызвать в публике нередко совершенно незаслуженн. инсинуации.

Согласившись с ним относительно желательности рабочих организаций, установленных в законном порядке с строго определенными целями, и необходимости, чтобы всякие совещания и заседания членов были гласны, я позволил себе добавить, что односторонняя организация, т. е. организация одних только рабочих, может оказаться не достигающим своей цели учреждением, если не будет соответственной организации предпринимателей, представители которых, совместно с делегатами от рабочих, могли бы устанавливать известный modus vivendi не только для единичных предприятий, а и для целого их ряда; в противном случае условия быта, жизни и работы будут слишком разнообразны, что всегда может вызвать недовольство среди рабочих и вредно отражаться на промышл. предприятиях.

10 же января г. Гр-ник, выслушав мой доклад о Невской бумагопрядильне и мое предположение, что рабочие в данном случае действуют как будто под чьим-то руководством, быть может, вновь организованных союзов, попросил меня высказать откровенно все те слухи и сведения о последних, которые дошли до меня. Тогда я доложил приблизительно нижеслед.: с начала осени 1902 г. стали ходить слухи между фабрикантами, что кем-то подготовляются какие-то рабочие союзы; в декабре месяце после появления в газетах извещения о приеме представителей от рабочих г. М. В. Д. на фабрике Паля рабочие, с редким до сих пор единодушием, отвергли предложение производить сверхурочные необязательные работы; на заводе у Лангензиппена появился призыв, приглашающий рабочих к тому же; к фабр. инсп. 4-го участка В. П. Литвинову-Фалинскому дважды приходили рабочие, просившие об'яснить им, чего можно ждать от союзов, не опасно ли это будет для наиболее видных деятелей из рабочих и можно ли ожидать, что они действительно получат те золотые горы, которые им сулят организаторы, поставившие, между прочим, условие, чтобы представители тайной полиции обязательно присутствовали на всех совещаниях, без чего последние ни в каком случае не будут допущены, и подбивающие будто бы рабочих не ограничиваться беседами только о кассах взаимопомощи, но и обсуждать все свои нужды без исключения, что, кажется, и имеет место на самом деле, так как по городу ходит упорный слух, будто бы было свидание представителей Московского и С.-Петербургского союзов, на котором вышли между теми и другими серьезные разногласия, а именно, первые настаивали на необходимости всецело отдаться под руководство агентов Деп. Полиции, последние же находили более целесообразным добиваться улучшения своего быта исключительно путем самодеятельности.

В виду изложенного, я опасаюсь, что, если рабочие Невской бумагопрядильни были настроены на пред'явление требований об увеличении заработной платы кем-либо из представителей союза, то они не удовлетворятся об'яснением инспекции, что просьба их может быть исполнена не кем другим, как только правлением фабрики; в случае отказа последнего они, вероятно, или сами вынуждены будут бросить работы или будут уволены через несколько времени, и тогда они примутся подбивать рабочих других фабрик к забастовке или, уверившись в невозможности добиться обещанных им золотых гор путем мирных переговоров, сделаются легким достоянием агитации. Ожидать же отказа в исполнении требований, пред'явленных по внушению организации рабочих, цель и образ действий которых неизвестны фабрикантам, в особенности при отсутствии соответственной организации последних, есть полное основание, так как, удовлетворив первое требование, естественно каждый из них будет ожидать появления новых, быть может, чрезмерных требований, а удовлетворив в одиночку, будут опасаться стать в неодинаковые со своими конкурентами условия производства.

Тогда г. Градоначальник предложил начальнику охраны ротмистру Сазонову ознакомить меня с сущностью теперешней организации рабочих.

Ротмистр Сазонов, оговорившись, что он является только исполнителем предписаний Деп. Полиции, рассказал мне приблизительно след.: рабочим приходится бороться с силой в лице фабрикантов; действуя врознь, они обыкновенно проигрывают, чем пользуется противоправительственная агитация, подбивая их на стачки и волнения и доказывая, что против силы нужно бороться только силою, почему естественно взять это дело в свои руки Департаменту Полиции и направить его к постепенному и последовательному удовлетворению нужд рабочих; что путь взят в данном случае верный, — видно из тех многочисленных прокламаций, которыми рабочие предостерегаются от «зубатовщины» (один из листков мне был показан); что до сих пор члены союза не позволяли себе ни на одном из пяти бывших до января совещаний ни одного лишнего слова, а говорили только об уставах касс, посторонние же рабочие, явившиеся из любопытства, а также противоправительственные агитаторы, из которых некоторые уже заарестованы, пытались увлечь участников совещаний самыми разнообразными темами.

Идет ли движение на Невской бумагопрядильне от рабочих союзов, он не знает, а потому предлагает мне, не хочу ли я лично переговорить с Зубатовым, для чего он вызовет его по телефону. Так как Зубатов не приехал, то вопрос остался невыясненным. После этого мы вернулись к г. Градоначальнику, который высказал необходимость из'ятия этого дела из ведения Деп. Полиции и передачи его в руки или одного из гг. Товарищей Министра Вн. Дел, или, по крайней мере, в Деп. общих дел, что нельзя Деп. Полиции одновременно быть и устроителями чего-либо, и наблюдателями за проведением его в жизнь; в особенности же это неудобно, когда в ходе дела заинтересован фабричный инспектор, пока еще представитель другого ведомства, а потому дело пойдет правильно только в случае, если одно учреждение будет вести дело организации рабочих, а Градоначальник, фабр. инсп. и начальник охраны будут подавать свои по сему поводу мнения; что же касается в частности подручных на Невской бумагопрядильне, то, конечно, инспекция и он сам будут действовать на основании существующих законоположений. Начальник охраны, в свою очередь, заявил, что он немедленно пойдет в Деп. Полиции и заявит, что движение, начатое агентами последнего, ими должно быть и закончено. После сего Градоначальник нас отпустил, сказав, что вызовет на новое совещание в самом непродолжительном времени.

Не имея точных сведений о направлении, которое дается организации рабочих, имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство не отказать в указаниях, как поступать чинам фабричной инспекции, если со стороны рабочих или представителей местной администрации будут пред'являться какие-либо просьбы о содействии к развитию тех или иных организаций рабочих.

* * *

Этот документ, опубликованный Спб. Комитетом Партии, достаточно говорит сам за себя. Старший фабричный инспектор весьма недвусмысленным образом раскрывает полицейскую подкладку современных «легальных союзов». Надо надеяться, что после опубликования этого документа станет окончательно невозможным участие в зубатовских предприятиях тех недалеких, но искренних людей, которые своим присутствием маскировали истинную физиономию «союзов».

Документ подтверждает мысли, высказанные в «Искре» по поводу проекта Витте о «свободе» стачек, именно ту мысль, что в «зубатовской» комедии заигрывания с рабочими министерство финансов (и фабр. инспекция, следовательно) заняло роль поверенного гг. фабрикантов, который готов дать рабочим больше, чем дают зубатовцы, лишь бы вырвать «социальную политику» из рук жандармских демагогов. Мы видим теперь, что даже Клейгельс готов признать неудобным хозяйничанье Зубатова среди рабочих, подведомственных его, Клейгельса, сыску.

Смоленск. В конце января здесь в губернской управе произошел небольшой скандал: в страховом отделе в шкафу был случайно найден одним из служащих сверток, в котором оказалось несколько паспортов (штук 10—12, по большей части просроченных), выданных, кажется, из Рославльской мещанской управы, затем несколько рукописей, повидимому, приготовленных корреспонденций. Тайна

находки быстро стала известна всем. Когда узнала управа, то она (в лице двух членов и председателя) устроила нечто вроде предварительного следствия, но «сознания» ни от кого не добилась. Существенно в этом инциденте то, что председатель управы (Б. Т. Садовский) в тот же день самолично свез найденное в жандармское управление. Что он там говорил с «чинами», — неизвестно, но с того дня частенько таскают на допросы то того, то другого из служащих. Мы не хотим этим сказать, что он донес на кого-либо, но иногда простой разговор с «чинами» бывает близок к доносу. Во всяком случае, факт холопства здесь налицо! Пусть «Освобождение» [12] отметит его на своих страницах к вящшей славе «земской оппозиции». А вот еще факт: когда председатель Вяземской уездной управы П. П. Цызырев получил посланный на его имя номер «Освобождения», то он, недолго думая, снес его к исправнику! Так как одновременно были получены №№ и другими лицами, то полиция, узнавши из доноса Цызырева о содержимом заграничных конвертов, произвела несколько обысков, а кое-кто из офицеров попал на подозрение.

В конце февраля этого года из смоленской психиатрической больницы сделал попытку бежать содержащийся там «на испытании» солдат-еврей (Тираспольский), который летом был арестован по доносу офицера, заставшего его за чтением «Искры». Побег был совершенно не подготовлен. В больном мозгу осталась только жажда свободы, а остальное все потеряно. Бежавший в три часа ночи явился в казарму (!) к своему знакомому и, конечно, на другой день был снова посажен, а товарищ, приютивший его, теперь отдан под суд.

Жизнь солдат в расположенных здесь полках поистине ужасна! Последний циркуляр министра Куропаткина, имеющий целью оградить воинство от тлетворного влияния идей, свел жизнь в казармах буквально к тюремному заключению. Если и раньше свобода солдата была лишь некоторой фикцией, то теперь те отпуски, которыми пользуется солдат по праздникам, стали в некотором роде испытанием для него: в силу циркуляра отпускаться с казарменного двора могут только целые «команды» под наблюдением нескольких шпионов-солдат; эти последние должны потом докладывать ротному, где кто из солдат был во время отпуска, кого встречал на улице, с кем говорил и т. д. Такой азиатский режим вызывает большой ропот даже в серой солдатской массе, которая раньше припеваючи выносила все тягости казармы. Нужно отметить значительное возрастание за последнее время интереса к книжке и специально к революционным изданиям. Особенно велик спрос на такие издания, которые касаются жизни солдат, значения армии в освободительном движении, пропаганды и организации в войсках. Такая специальная литература была бы чрезвычайно полезна: она дала бы возможность привлечь к движению значительную массу солдат и организовать их.

Чуют наши блюдолизы и грабители, что даже армия, основной и последний оплот их владычества, начинает сильно подаваться под напором новой жизни. Через несколько месяцев после издания упомянутого выше циркуляра (октябрь) на-днях был получен здесь новый циркуляр, который рекомендует начальству устраивать для солдат клубы с читальней и невинными играми и развлечениями, чтобы солдату не думалось от вынужденной праздности! Оказалось, что драконовские репрессии в казармах слишком озлобляют солдат и создают вкус к революционной мысли.

Тверские педагоги в роли сыщиков. Недавно в Твери разыгралась такая история. У некоего Рагозина был сделан, по какой-то причине, обыск. При обыске забрали записочку с перечнем нелегальных брошюр и указанием на то, что они переданы реалисту Крюкову. Из-за этой записочки весь сыр-бор загорелся...

На другой же день к директору реального училища явился жандармский ад'ютант с требованием произвести обыск у Крюкова. Директор г. Смирнов, запротестовал, — вы думаете, против обыска? О, нет! Он просто полагал, что произошла ошибка, что не у Крюкова надо произвести обыск, а у Брейтвейта, ученика VII класса (Крюков — четвертоклассник).

Педагоги решили обыскать обоих, чтобы исключить самую возможность ошибки. У Крюкова нашли и отобрали сочинения Горького и Л. Андреева, у Брейтвейта даже и этого не нашли. Первого выгнали из училища с двойкой в поведении. Решили, что нужно искать дальше. И вот, вместо урока физики, инспектор училища учинил повальный обыск во всех партах VII класса. Ничего найдено не было, и училищное начальство успокоилось.

Но через день грянули обыски в выпускном классе мужской гимназии. Шарили усердно, шарили в партах, шарили в карманах учеников. И опять эту операцию с большой природной ловкостью выполнили инспектор и надзиратели. Нашли... несколько портсигаров. Назначили курильщикам несколько соответствующих мер взыскания и, в свою очередь, успокоились не в меру ревностные педагоги. Тогда заволновалось начальство женской гимназии. Старшим классам сделали приличествующее случаю внушение на тему о злонамеренных людях и необходимости их остерегаться. В пятом классе, — на этот раз классные дамы, — произвели обыск. Единственным трофеем был том Некрасова (!), отобранный, как контрабанда очевидно. Не отстало и духовное начальство. Инспектор усердно искал следов крамолы среди учеников, находящихся на положении «козлищ». Насколько слышно, его поиски успехом не увенчались.

Херсон. 5 февраля из исправительного отделения бежал арестант Пешков. Его скоро поймали, привели обратно и жестоко избили. Это возмутило товарищей Пешкова, и они в числе 500 чел. начали бунтовать. Немедленно пришла марш-маршем рота бахчисарайцев, вошла во внутрь здания и начала стрелять. Убит по официальным данным всего один и несколько человек ранено. По неофициальным данным убито несколько и ранено еще больше. Зачинщиков около 40 человек перевели в тюрьму, где они содержались до восьмого марта. А в этот день произошло следующее: во время вечерни в тюремной церкви всех гулявших по двору арестантов пригласили в камеры, а затем вызвали под ворота 90 человек, участников бунта в исправительном отделении. Им сказали, что с ними хочет говорить приехавший будто бы в тюрьму губернатор. Едва они вышли под ворота, как их окружила рота бахчисарайцев, спрятанных в надзирательской, и, оцепив плотным кольцом, увела. В тюрьме поняли, что товарищей повели наказывать, и арестанты были возмущены, но, благодаря только тому, что все успели привязаться к начальнику тюрьмы, бунта не было. Уведенных привели в арестантскую роту, и здесь им было об'явлено, что по соглашению вице-губернатора с прокурором они подлежат наказанию розгами по 90 ударов каждому. Присутствовали тюремный инспектор Звонников и жандармский полковник Пацевич. Свидетельствовал военный врач Рождественский, и по его указаниям иным было уменьшено число ударов до 75—50. Только трое при наказании не потеряли сознания. Остальные все были в обмороке. На следующее утро все ушли с этапом, чтобы отправиться во все концы России: Архангельск, Харьков, Самару...

СОБЫТИЯ В ФИНЛЯНДИИ.

Появившиеся в газетах новые акты Плеве — Николая II отменяют в Финляндии последние следы конституции и политической свободы и вводят в ней, в сущности, не что иное, как положение об усиленной охране. Вот к чему привел начатый в 1898 году поход царизма на Финляндию: шаг за шагом самодержавная банда разбойников отменяла в стране один закон за другим, уничтожала одну вольность за другой, пока, наконец, теперь клятвопреступник, по представлению фактического самодержца Плеве, не упразднил вековую гарантию личной неприкосновенности. Все эти разбойнические указы — рескрипт Николая II генерал-губернатору от 27 марта, «Высочайшее постановление относительно мероприятий

для водворения в Финляндии государственного порядка и общественного спокойствия», «новая инструкция» финляндскому ген.-губернатору и его помощнику, «постановление об изменении инструкции губернаторам» и постановление об общественных увеселениях и т. д. — выработаны, по внушению Плеве, особой частной комиссией в Петербурге. За несколько дней до обнародования «постановлений» была выражена «царская благодарность» всем палачам финляндской свободы, в том числе двум финляндским сенаторам и прокурору сената. Одна любопытная черта прежде всего бросается в глаза при чтении царских указов: они докладывались ему постепенно, по-видимому, чтобы слишком не обратить царское внимание на их чисто террористический характер; уже в новой инструкции (пункт 10) ген.-губернатору, утвержденной 13 марта, в неясных выражениях заключается весь смысл временного постановления (на три года) с чрезвычайными полномочиями сатрапу. Суть очень длинных указов (например, в инструкции ген.-губернатору 29 пунктов, в инструкциях губернаторам — 15) можно резюмировать в немногих словах: неограниченная власть ген.-губернатору и введение в Финляндии самодержавного режима.

Ему предоставляется право административного изгнания «злонамеренных лиц» из Финляндии, ссылки их в различные местности России с отдачей в полное распоряжение министра внутренних дел и под гласный полицейский надзор, арестов и т. д. Достаточно одного письменного предписания Бобрикова или даже местного губернатора, чтобы то или другое лицо было посажено в тюрьму до отправления в ссылку. Далее сатрапу поручается, по своему усмотрению, закрывать вредные союзы и общества, библиотеки, гостиницы, книжные и другие магазины; впредь ему подчиняются все казенные и общинные учреждения края, он может отменять решения министров, городских и сельских самоуправлений, смещать даже выборных должностных лиц, следить за преподаванием в школах, чтобы ученики и ученицы воспитывались в духе благоговения перед царем-клятвопреступником и т. п. Генерал-губернатор должен принимать меры к пресечению распространения вредных учений и т. д. Словом, авторы царских преступных указов не позабыли включить в них ни одной стороны общественной жизни; впредь русский сатрап «по закону» будет препятствовать всякой культурной и просветительной работе.

Вот те правомочия «начальнику края», о которых давно уже вопила наша реакционная печать провокаторов и сыщиков (см. об этом № 33 «Искры»). Еще до обнародования указов клятвопреступного тирана, по приказанию губернаторов, было два политических ареста в Выборге и Гельсингфорсе. В первом городе несколько дней продержали в полиции одного купца, заподозренного в распространении «нелегальной» литературы, и уже две недели сидит один молодой человек, также по подобному подозрению. В Гельсингфорсе в ночь на 1 (14) апреля на станции и по возвращении с нее домой полиция арестовала четырех юристов, троих из них в участке продержали еще часть следующего дня, причем у них были отобраны разные бумаги. Эти лица в большой компании других юристов возвращались на экстренном поезде от одного помещика, пригласившего их к себе в имение (недалеко от Гельсингфорса).

Теперь Плеве и его недалекий господин доказали финляндскому сенату и старо-фенноманской партии [13], насколько полезна их безрассудная политика уступок. Эти меры правительства должны, наконец, пробудить даже самых заскорузлых капиталистов этой партии.

Российская социал-демократия, идущая в авангарде всех борцов в России за политическую свободу, должна в грозных демонстрациях протестовать против порабощения культурной, свободной до сих пор страны. Самодержавие теперь доказывает всем имеющим очи, насколько оно несоединимо с западно-европейской культурой и свободой: оно не может переносить нигде правового порядка: оно повсюду, где только позволяет его сила штыков, водворяет дикий произвол и полнейшее бесправие обывателей-рабов.

[В. М. Смирнов]

ХРОНИКА РАБОЧЕГО ДВИЖЕНИЯ и ПИСЬМА С ФАБРИК И ЗАВОДОВ

С Урала. В Златоусте на казенном заводе давно уже рабочие были недовольны ухудшением внутренних распорядков, уменьшением заработной платы, увольнениями... Еще не так давно было уволено 500 рабочих, а безработица, царящая теперь на Урале и доводящая нередко до полного голодания, всколыхнула рабочую массу и сделала ее еще более восприимчивой к революционным идеям... Неведомыми путями иной раз пробираются идеи свободной борьбы в самые глухие уголки и радостно встречаются рабочими, истомившимися своей нищетой. «Мы не в состоянии переносить экономической борьбы», т. е. пассивной борьбы в одиночку за свое существование,— пишет алапаевский рабочий в № 32 «Искры». И действительно, впервые переживаемый Уралом острый кризис, сводящий заработок рабочего к голодному уровню 7 — 9 коп. (как, например, в Нейво-Шайтанском заводе и многих других) и выкидывающий сотни и тысячи рабочих на улицу в распоряжение голодной смерти, ставит перед каждым рабочим мучительно неотвязный вопрос, как быть? что делать? Экономический террор — старое средство борьбы уральских рабочих — и теперь, конечно, употребляется еще в больших размерах: чуть ли не каждую неделю слышишь, что на том или другом заводе пущены в ход поджог, пуля, динамит или бомба. Иногда известия об этом проскальзывают даже в легальные газеты. Но рабочая масса начинает сознавать, что этой борьбой отдельных лиц против отдельных проявлений гнета она не может хоть сколько-нибудь улучшить свое положение, как не избавились от голода алапаевские крестьяне и рабочие своим одиночным нападением на заводское имущество. Действовать не в одиночку или разрозненными кучками, а всем вместе, дружно и солидарно — это первый урок, полученный уральским рабочим от безработицы и кризиса. Но что же делать? Просить? И рабочие обращаются с просьбами ко всем власть имущим, начиная с мелких полицейских властей, как на Нижне-Салдинском заводе, и кончая... архиереем, как на Верхне-Уфалейском. Темные, напрасные надежды! Мелькает, как последняя надежда, стародавняя, времен крепостного права, надежда на самого, на царя... И после полиции и администрации, после заводоуправления и архиерея, рабочие Соринского округа отправляют телеграмму царю, жалуясь на понижение на 20 процентов заработной платы, требуя «хлеба и работы».

Время идет, растет голодная армия безработных, растут болезни и смерти (одних больных инфекционными болезнями в Пермской губ. было 13.800; в Уфимской губернии умирает 56 процентов детей), призрак голодной смерти встает пред истомленным рабочим... А помощи все нет ниоткуда, ни от кого, ни от царя небесного, ни от царя земного...

И мучительным, долгим путем вырабатывается в сознании рабочего убеждение, самопроизвольное или под влиянием неведомыми путями распространяющихся идей: «Если не могут нам помочь царь небесный и земной, так остается нам самим о себе промышлять!. Не просить, а требовать! Не жаловаться, а бороться! И бороться не стачками — на Михайловском заводе рабочие забастовали, но управление закрыло завод, и рабочие разбрелись, кто куда в поисках работы...». «Не нужно экономической борьбы! Нужна революция!» — писал осужденный на каторгу Киселев в своем письме ко всем рабочим, и эти слова выражают все распространяющееся убеждение все большей массы. И первые зарницы приближающейся живительной грозы уже блестят на нашем свинцовом небосклоне, предтечами грозных громовых раскатов раздаются выстрелы златоустовского вооруженного столкновения.

В начале марта в Златоусте было арестовано четверо рабочих, по данным сыска. Когда известие об этом распространилось среди златоустовских рабочих, волнение, и до того бывшее сильным среди них, достигло больших размеров. Настойчиво стали требовать они от начальника тамошнего горного управления и других властей освобождения товарищей. Числа 12-го приехал губернатор. 13 марта перед домом горного начальника, у которого остановился губернатор, собралась тысячная толпа. Когда губернатор начал требовать, чтобы они разошлись, ему не дали окончить речи, забросавши его навозом. Остальное известно...

На следующий день после получения известия о златоустовских событиях, 15 марта, поднялись рабочие и в Миассе... Что там было, до сих пор не знаю. Говорят, также было вооруженное столкновение...

Что будет дальше? Положение здесь на Урале в настоящее время критическое. Опутанные тяжелыми сетями крепостничества, административного произвола и «боярского» поссессионного капитализма, уральские рабочие на краю пропасти. И вероятность грозного стихийного взрыва возрастает с каждым днем. Задача революционера социал-демократа переработать девиз стихийного взрыва: «хлеба и работы!» в девиз революционного восстания: «жить в свободе или умереть в борьбе!». Задача наша внести сознательность и организованность в это движение, слить здешнее движение с движением всего рабочего класса России и, став во главе этого революционного потока, повести его на штурм самодержавия. Правительство сознает всю опасность этого возможного взрыва на Урале. Увеличивают полицию, увеличивают сыскные силы. Переводят сюда все новые и новые военные силы (так, недавно в Екатеринбург прибыла еще рота солдат, в Вятку переведено для расквартирования по заводам 3 — 4 батальона и артиллерия), аресты в Перми (в середине марта арестованы в Перми: Трапезников, лит., Владимирский, пом. зав. Кустарного банка, Вармунд, редактор «Пермского Края», Наумов, земск. нач. в Нижне-Чусовском городке, и еще один пермский присяжный поверенный). Тем более необходимо нам интенсифицировать свою деятельность. А между тем «Уральский Союз» [14], который в Среднем Урале (Екатеринбургского округа) пока действует один, явно показал свою неспособность быть во главе движения. Сознательно не желая встать в отношения прочного и действительного организационного единения с сознательной революционной армией России, он вместе с тем не в состоянии был хоть как-нибудь использовать алапаевское дело. Суд над алапаевскими рабочими, михайловская стачка, златоустовское вооруженное столкновение и друг. уральские события, томские и другие факты революционной борьбы, — все это волновало здешних рабочих, звало на агитацию, — и ни на что не отозвался «Ур. Союз».

Благоболтание на тему о вооруженном сопротивлении — в эпоху массовых вооруженных столкновений, об «открытой борьбе» кучек террористов — в виду приближающегося народного восстания... Ад мостить этими благопожеланиями, а не русло революционного движения!

Жизнь требует здесь действительно революционной организации, которая под ясно обозначенным знаменем революционной социал-демократии об'единит рабочий класс на Урале против всенародного врага и поведет его на борьбу и на победу.

В одном из изданных Уфимским Комитетом листков о бойне в Златоусте [15] находим следующие подробности, подтверждающие наше утверждение, что вся ответственность за происшедшее кровопролитие падает на правительственные власти.

«... К вечеру (11 марта) было выбрано рабочими трое депутатов: рабочие Филимошкин, Симонов и Пономарев. В ночь на 12 марта с самого утра рабочие начали требовать освобождения товарищей. Они обращались к исправнику, жандармам, горному начальнику Зеленцову, заявляя, что согласны даже работать на новых условиях, лишь бы были освобождены арестованные».

А вот подробности самой бойни 13 марта: «Заиграл рожок-сигнал, совершенно не понятый толпою, первые ряды войска стали на колено: раздался залп. Толпа бросилась бежать, оставив на месте до 50 человек: в тыл бегущих продолжались залпы, всего не меньше четырех. Конные городовые избивали бегущих шашками и пиками. Часть спасалась по направлению к дому горного начальника: оттуда из окон их встретили градом выстрелов из револьверов... В числе убитых были и совершенно посторонние лица, не бывшие даже на площади: так, убита старуха, которая шла по улице, довольно далеко от площади, из больницы, с похорон своего мужа; убили мальчика с разносной книжкой; старика, сидевшего на крыльце городского училища; крестьянин, приехавший на базар, прострелен вместе с лошадью. Пули летели также в окна городского училища. В течение, по крайней мере, получаса после выстрелов полиция гнала всех с площади и не допускала подать первоначальную помощь раненым, оставляя их истекать кровью: так, один из них дополз несколько шагов до церковной ограды, прислонился к ней и умер... Только через полчаса стали собирать убитых и раненых. Без разбора клали их в угольные короба и розвальни по четыре, шести и даже восьми человек и развозили их по больницам... Часть златоустовского общества составила подробную протестующую телеграмму о зверствах администрации для министра внутренних дел, но телеграмма не была принята».

«Хотя работы начались, — пишет наш корреспондент, — но настроение ничуть не подавлено. Возбуждены очень все, особенно молодежь. Говорят: „были дураками, поверили начальству, пришли с голыми руками“».

Нижний-Новгород. После суда над демонстрантами и усиленной агитации по поводу его наступило сравнительное затишье. Время от времени выходили листки. Так, были выпущены листки по поводу Ростовской стачки и в большом количестве распространен листок к крестьянам по поводу царских речей. Недавно вышел листок о кризисе. Кризис все еще сильно дает себя знать. Так, в Сормове, например, в некоторых цехах рабочих через каждый месяц отпускают «гулять» на месяц. В Сормове, кроме того, выпускались так называемые сормовские бюллетени, листки, касавшиеся специально местных заводских порядков, злоупотреблений администрации, самоуправства мастеров и т. д. Полиция проявила эту зиму усиленную деятельность. В декабре возникло новое учреждение — сыскное отделение с ротмистром во главе. Количество шпионов заметно увеличилось. Аресты почти не прекращаются, особенно в Сормове. А последнее время жандармы занялись и своей жандармской агитацией. На всех заводах распространяются листки с характерной подписью: «Нижегор. Комитет Слово и Дело». Вышло уже три таких листка. Все они начинаются словами: «Господи, благослови» и приглашают рабочих на борьбу с крамолой, которая об'ясняется очень просто — интригами иностранцев, которые завидуют могуществу России. Листок за подписью «Нижегор. Комитет», написанный от имени оправданных по суду демонстрантов, говорит о вреде демонстраций. Особенно интересен листок «Группы сормовской молодежи», написанный в ответ на воззвание Комитета Партии к сормовской молодежи, где Комитет убеждает рабочих не тратить энергии в бессмысленных диких побоищах,

а обратить ее на борьбу с правительством. «Группа сормовской молодежи» находит, что единственным средством поднять уровень рабочих являются общества взаимной помощи, об устройстве которых и надо позаботиться прежде всего. Как видите, литература довольно богатая, но действие ее на рабочих не совсем соответствует ожиданиям полиции. Даже малосознательные относятся скептически к жандармским листкам. «Видно, очень они боятся, если пошли на такие штуки», — говорят некоторые рабочие. Что касается зубатовской тенденции, то она проявилась пока только в листке «Группы сормовской молодежи», изданном, надо полагать, не без участия жандармов. Комитетом недавно выпущен листок по поводу этой литературы.

В марте опять были аресты и обыски. Взято восемь рабочих и два интеллигента, Гурвич и Пискунов (выпущены). В связи с арестом Пискунова был обыск в городской управе в столе Пискунова. В тюрьме только что окончилась голодовка, продолжавшаяся девять суток. Это уже не первая голодовка в здешней тюрьме. Вызвана она новыми строгостями и прижимками тюремной администрации. Особенно чувствительно на здоровье заключенных отражается запрещение приносить обеды и вообще какие бы то ни было припасы. Свидания дают только за решеткой. Кроме того, совершенно произвольно отняты прогулки по субботам. Голодавшие добились только ничтожных уступок — возвращены прогулки по субботам и предоставлено право не вставать с постели при поверке». Вот какие бывают «права»! Внутренняя жизнь организации была за это время более интенсивна, чем внешняя. Очень усилился интерес рабочих к общепартийным делам. Особенно много обсуждались вопросы организации, и система выборности была, в конце-концов, отвергнута, тем более, что сама жизнь выдвигает принцип централизации.

Из Донского бассейна.

Мариуполь. На наших заводах и в городе распространены прокламации: 1.000 — «Пауки и мухи», 1.000 — «Кто наши враги», 1.000 — «О безработице» в марте. В декабре и январе были распространены «К организованным товарищам» очень мало и издание Донск. Ком. «Ко всем гражданам России». Эти последние не произвели ожидаемого впечатления, зато мартовские листки очень понравились, особенно «Пауки и мухи» и стихотворение «Сказка о попе и чорте». Произошла, между прочим, очень курьезная сцена с первой прокламацией «П. и М.». Человек двадцать рабочих, несколько подвыпивши, читали и комментировали прокламацию и затем решили расстрелять «всех пауков». Компания достала ружье и торжественной процессией в сопровождении полицейского отправились в поле. Здесь приклеили прокламацию к столбу и стали в нее стрелять. На вопрос собравшейся публики: «зачем они это делают», компания отвечала, что она практикуется, как удобнее перестрелять всех пауков. Полиция растерялась. После 9 часов вечера всех прохожих хватают и тащат в кутузку. Недавно схватили двух мастеров: Шишковского и еще одного; надзиратель дал нахлобучку полицейским, чтобы они тащили подходящих, а то тащат самых благонамеренных. Полицейские ворчат и ругают надзирателя и «социалистов», которые им наделали столько хлопот. Произведено несколько неудачных обысков как в заводах, так и в городе. Сторожей и полицейских масса. Шпионов незаметно, арестов тоже нет. Рабочие надеются первое мая отпраздновать только однодневной забастовкой.

Юзовка. Распространенные здесь прокламации произвели сенсацию. Рабочие очень возбуждены и полиция очень встревожена. Прокламации: «Пауки и мухи» (1.200 экз.), «Кто наши враги?» (1.500 экз.), №№ 7 и 2 листков «Союза Горнорабочих» (1.500 экз.) — распространены в марте. Пристав Левицкий увеличил штат городовых, сторожей, шпионов. Шпионы: околоточный Львов, полиц. Воронцов, атлет Чернов, бывший жанд. Иваненко и мн. др. переодеваются и бродят по ночам. Произведено несколько арестов и обысков, но безрезультатно. Ходят слухи, что у двух лиц нашли нелегальную литературу. Ждут все «бунта». Ожидается прибытие войск. Обыватели очень обеспокоены этим: боятся, что солдат расквартируют по квартирам. Только и разговоров, что о демонстрации, «бунте» и прокламациях. Создались целые легенды о неуловимости «студентов», о их неустрашимости и пр. Вечером ходить по Юзовке опасно, останавливают сторожа и того и гляди потащат в кутузку. Записывают адреса и фамилии ночных прохожих. Обыскивают квартиры рабочих, отбирая прокламации, и застращивают рабочих тюрьмой, если они будут читать их. Некоторые рабочие боятся читать прокламации.

Карповский рудник. Здесь распространены прокламации «Пауки и мухи» в количестве 600 экз. в марте. Шахтеры зовут их «письмами». «Письма» очень нравятся. Говорят о бунте и о необходимости отомстить управляющему Штедину за все притеснения рабочих.

Лидиевский рудник. Распространены «П. и М.» 900 экз. — в марте.

Ветка (рудник Юзовск. зав.). Распр. «П. и М.» 500 экз. — в марте.

Рыковский — распространены «П. и М.» и «Кто наши враги?» — в марте.

Прохоровский — распр. «П. и М.» 300 экз. и «Кто наши враги?».

Чулковский — распр. «П. и М.» 300 экз.

Алчевский — распр. «П. и М.» 400 экз.

Ливенский — распр. «Кто наши враги?» 200 экз.

На последних пяти рудниках прокламации так взбудоражили полицию, что она арестовывает направо и налево, обыскивает почти все квартиры, отбирая прокламации. Всех вновь появившихся лиц на рудниках арестовывают даже днем. Шахтеры боятся ходить вечером на другие рудники. При арестах полиция бьет рабочих; так, на маленькой шахте урядник экономии Алчевского рудника до того избил одного рабочего «рукоятчика», что тот едва жив остался. Поп в Рутченковской церкви, находящейся в центре этих пяти рудников, громит «социалистов» с амвона, ругая их негодяями, недоучившимися студентами, прохвостами и т. д. Полиция тоже занимается аналогичной агитацией. Шпионов масса.

Рабочие говорят, что с прокламациями запоздали, так как теперь «дела очень плохи» (кризис) и поэтому воевать очень трудно. Вообще прокламации на шахтеров производят ошеломляющее впечатление и многое в них страшно перевирается и остается непонятым, это зависит еще от дурной печати (неразборчивой). Интересно отметить следующий факт: «мальчишки», «глейщики» разучили наизусть «Сказку о попе и чорте», сочинили к ней мотив и во время работы распевают эту очень обидную для попов песенку.

Макеевка. На заводах и рудниках близ Макеевки распространены «П. и М.» и «Кто наши враги?» в количестве 1.500 экз. Настроение рабочих очень хорошее. Полиция потеряла голову.

Константиновка. В марте здесь распространены «П. и М.» и «Кто наши враги?» 1.000 экз. Ждут «бунта».

Славянск. Распространены «П. и М.» (300 экз.) и «Кто наши враги?» (300 экз.). Встречены очень сочувственно.

(Отчет за март «Летучего Отряда» с.-д. союза горнорабочих.)

Кременчуг. На табачной фабрике Зарицкого об'явилась стачка. Бастовавших около 400 работниц. Бастовали все отделения. Причина забастовки кроется в следующем. На фабрике сгорела сушка, а потому все работницы махорочного отделения остались без работы вплоть до постройки новой сушки. Через две недели сушка была готова, но когда работницы пришли на работу, хозяин отсылал домой тех, которых он подозревал еще с прошлогодней стачки. Тогда все махорочное отделение, числом 48, решило бастовать, пока не примут их подруг и заодно увеличат плату. Они с пуда получают 10 коп., а требовали 15. Зарицкий об'явил, что он в них не нуждается, и все разошлись по домам. Прошло целых

две недели. Работницы, не работавшие прежде две недели по причине сушки, а теперь еще две недели по причине стачки, стали в буквальном смысле терпеть голод. Тогда вся фабрика решила притти им на помощь и об'явить стачку. Самое большое число работниц приходится на папиросное отделение, а именно 125, а с подручницами — 240. И вот 14 февраля, в восемь часов утра, когда звон колокола стал призывать к работе, все остались в столовой. Через час зашли сам Зарицкий и управляющий Фельдман; первый стал усовещевать их: «Вы, мол, девушки, скоро невестами станете: зачем вам все это? Ведь вы за это в тюрьму попадете», но они ему ничего не ответили. Тогда он стал им угрожать, что запрячет их в тюрьму и т. д., и стал спрашивать, какие у них требования. Они ему ответили, что прежде всего требуют удаления старшего мастера, потом приема всех махорочных и увеличения платы с 24 коп. за тысячу на 35. Старший мастер — это зверь в полном смысле слова. Он тиранит работниц, бьет их, за волосы дерет и ругается, как пьяница. Много молодых жизней он погубил, вогнав их в чахотку. Но Зарицкий в нем души не чает, найдя в нем такого хорошего исполнителя своей воли. Сейчас же явилась вся местная полиция: исправник, пристава с своими помощниками, фабричный инспектор, 25 городовых, хотели заставить их итти работать, но они не соглашались. Тогда сделали формальный допрос, но все заявляли одни и те же требования. Эта стройность не ускользнула от начальства, и оно стало добиваться, кто руководит стачкой, но все старания остались тщетными. Работниц переписали и отослали домой. Тогда они решили устроить мирную манифестацию и группами в 50 и 100 человек по мостовой расхаживали по всем главным улицам города. Разгоняли их в одном месте, они мигом оказывались вместе же на другом перекрестке. На город эти манифестации произвели громадное впечатление. Никогда не было видно такого наплыва публики на улицах.

Зарицкому, однако, удалось вскоре внести раскол в среду работниц, и через три дня на работу пошло 50 человек. С этого момента стачка пошла на убыль. Тем не менеее, можно отметить кое-какие положительные результаты. Уже и теперь обращение фабричной администрации несравненно лучше, некоторых принимают помесячно. А, главное, стачка многому научила работниц; только теперь они пред'являют спрос на литературу и опытных руководителей.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРЕНИЕ

ВСЕОБЩАЯ СТАЧКА В ГОЛЛАНДИИ.

I.

Уже в течение нескольких лет портовые рабочие Амстердама образуют сильную профессиональную организацию. Из довольно грубых, некультурных элементов удалось выработать хорошо дисциплинированные батальоны, которые повинуются воле большинства и выбранным ими вождям. Эта организация состоит из многих отдельных профессиональных союзов: грузчиков, занятых в складах, рабочих, которые по многочисленным каналам отвозят товары в складочные магазины, доковых рабочих и проч.

Все эти союзы, по решению интернационального парижского конгресса рабочих, занятых в транспортной промышленности, образуют федерацию. В 1893 г. дело дошло до столкновения между этими союзами и акционерными компаниями, которым принадлежат склады. Стачка кончилась победой рабочих, которым дано было обещание не заставлять их работать вместе с неорганизованными. Одно акционерное общество стало в последнее время систематически нарушать данное обещание, принимая на работу неорганизованных, и даже предпочтительно перед организованными. Последние, конечно, запротестовали, прекратили работу и потребовали расчета неорганизованных рабочих. Когда акционерное общество отвергло их требования, то грузчики об'явили себя солидарными с товарищами и тоже бросили работу. Одна торговая фирма наняла тогда для нагрузки товаров 56 штрейкбрехеров (обычное название рабочих-изменников, занимающих места стачечников); в виду этого представители федеративных союзов решили, что ни один организованный рабочий не будет дальше транспортировать те товары, которые грузили штрейкбрехеры. Так как последние не были отпущены, то бойкот был распространен на склады всех тех акционерных обществ, которые заставляли своих рабочих работать для упомянутой фирмы. Между тем, продолжали прибывать суда с товарами для бойкотированной фирмы и стачка распространялась вширь. Положение дел еще усложнилось благодаря следующему обстоятельству. В Амстердаме одна гавань предназначена специально для грузки громоздких товаров, как, напр., испанская железная руда. Эти товары грузятся в вагоны прямо с судов. В этой гавани работают сотни железнодорожных рабочих: ранжировщиков (составителей поездов), стрелочников. Там составляются товарные поезда, идущие в Германию. Само собой возникал вопрос, как поступят все эти рабочие, когда им придется составлять поезда как раз из тех вагонов, которые грузили штрейкбрехеры. Этот вопрос уже не подлежал компетенции федеративного союза портовых рабочих, его решение зависело уже от профессионального союза жел.-дор. служащих. В противоположность союзу доковых рабочих, история которого в последнее время есть непрерывный ряд побед, жел.-дор. рабочие сумели упрочить свой союз лишь после целого ряда неудач и поражений. Вместе с возникновением социалистического движения образовался и первый союз жел.-дор. рабочих; но давление предпринимателей и анархические стремления скоро подорвали его. После долгого периода апатии движение среди жел.-дор. рабочих вновь ожило вместе с оживлением социалистического движения вообще. Сначала организовались машинисты и кочегары, за ними кондуктора и другие, и все эти категории рабочих образовали вместе одну федерацию. Движение приобрело твердую точку опоры в лице союза рабочих, занятых в различных жел.-дор. бюро. Этот союз образовался в Утрехте и скоро сильно разросся. Когда 29 января н. года некоторые ранжировщики были командированы для составления поездов из вагонов, нагруженных изменниками-штрейкбрехерами, то они отказались итти. За такое нарушение дисциплины их рассчитали; тогда все жел.-дор. рабочие, занятые в этом порту, числом до 500, бросили работу.

Представители заинтересованных рабочих союзов начали переговоры с голландскими жел.-дор. обществами, но они были безрезультатны. В тот же вечер собрание жел.-дор. рабочих в Амстердаме решило об'явить забастовку, если дирекция не откажется от своих требований (т. е. если не примет обратно рассчитанных товарищей). Аналогичное решение приняли многочисленные собрания, происходившие в ту же ночь в других крупных и небольших городах. Стачку решили об'явить исключительно из чувства солидарности; правда, жел.-дор. рабочие выставили и некоторые собственные требования, но побудительным мотивом с начала и до конца было желание помочь товарищам другой профессии, и по достижении этой цели работа возобновилась бы. Распространению забастовки сильно содействовало то обстоятельство, что и неорганизованные рабочие приняли участие в движении (их было 9.000 из общего числа 17.000), далее давно накопившаяся ненависть против жел.-дор. обществ, которые низвели плату до жалкого уровня, непомерно удлинили рабочий день и пытались репрессалиями задушить всякое стремление к организации.

Федерацией доковых рабочих руководили антипарламентарные социалисты *, в то время как большая часть организованных жел.-дор. рабочих примыкала к соц.-дем. В данном случае оба эти направления, столь ожесточенно

* Эта фракция голландских социалистов довольно близко примыкает к анархистам; она отвергает политическую деятельность в парламенте и главные надежды возлагает на экономическую борьбу.

враждовавшие одно с другим, действовали единодушно, и это единодушие увенчалось блестящим успехом.

На другой день после собрания делегаты союзов вновь вступили в переговоры с дирекцией. В виду наступившей вследствие стачки заминки в жел.-дор. движении, дирекция изменила свой тон. Первая уступка, которую она сделала, состояла в признании организаций как таковых. Это было уже крупной победой. Далее дирекция разрешала своим рабочим до поры до времени не работать в той гавани, где произошло столкновение; стачечники вознаграждались за все дни стачки. Далее, — и это было самое главное, — дирекция брала на себя обязательство исхлопотать у правительства отмену той статьи ж.-д. устава, которая обязывала жел.-дор. общества перевозить всякие грузы и от кого бы то ни было.

Стачка, между тем, продолжалась как в Амстердаме, так и в других городах. Решено было, в случае отказа правительства, распространить ее на всю страну. Вечером снова состоялись собрания. Можно себе представить, какая там царствовала радость. Победа была вероятной. С восторгом были одобрены все пункты соглашения, и в полночь уже все вокзалы пустовали. На следующее утро ни один поезд не прибыл в Амстердам. Вокруг города была намечена граница, через которую не мог проникнуть ни один локомотив. Центральный комитет жел.-дорожных рабочих получал массами сочувственные телеграммы из всех частей страны; рабочие обещали по первому знаку бросить работу. В некоторых же местах стачка вспыхнула сама собою. Весь вопрос заключался теперь в том, как поступит правительство, согласится ли оно отменить статью железнодорожного устава и таким образом признать за рабочими право не составлять поездов из вагонов, нагруженных бойкотированными товарами. Всюду царило лихорадочное возбуждение. Директора ж.-д. компаний отправились в Гаагу (резиденция правительства) на специальном поезде, снаряженном с разрешения рабочих, чтобы посоветоваться с министрами.

Между тем, в Амстердам прибывали войска. Получились тревожные известия, что поезда проникли в бойкотированную территорию. Поздно вечером решено было распространить бойкот на восемь важнейших узловых пунктов сообщения в стране. Прежде чем были отправлены депеши соответствующим организациям, в последний момент получился ответ от дирекции следующего содержания: «Мы разрешаем нашему персоналу не составлять поездов из вагонов с товарами того акционерного общества, рабочие которого устроили стачку, и подтверждаем все наши прежние уступки». Итак, полная победа. На следующий день состоялось четыре больших собрания, на которых решено было возобновить работу. Непосредственным результатом этой победы был полный успех стачки портовых рабочих. Штрейкбрехеры были рассчитаны, стачечники вновь приняты на работу, далее, за ними было решительно признано право не работать с изменниками общему рабочему делу Решение остальных спорных пунктов предоставлено третейскому суду. Но этим борьба не закончилась. Железнодорожные рабочие не успокоились, они ждали дальнейших поступков правительства, и потому оставались, выражаясь образно, под ружьем, готовые к бою. Правительство нашло при данных обстоятельствах наиболее легкий исход для себя. Оно об'явило весь вопрос частным делом железнодорожных компаний и отвергло всякое вмешательство. Но буржуазное общественное мнение не удовольствовалось таким решением дела, оно стало требовать репрессий против мятежных железнодорожных рабочих и привлечения солдат, в качестве штрейкбрехеров, на железнодорожную работу. С другой стороны, организация рабочих, благодаря толчку, данному столь удачной стачкой, стала подвигаться вперед с такой быстротой, как никогда раньше. Боевое настроение сильно повысилось... Правительство, как и можно было предвидеть, решило драконовскими мероприятиями лишить рабочих плодов их победы. Были призваны под ружье 13.000 ополченцев. С какой целью это было сделано, прекрасно раз'яснил в своей речи полковник гарнизона, квартирующего в Амерфорсе: «Нам предстоит теперь тяжелая работа; как вы знаете, кучка праздных и буйных крикунов вызвала смятение во всей стране. Положение вещей одно время было хуже анархии. Правительство должно этому положить конец. Вы призваны поддерживать порядок или восстановлять его, если он будет нарушен. Я надеюсь, что вы сумеете выполнить свой долг и если вам прикажут стрелять, то вы будете стрелять метко»... Нужно заметить, что во главе правительства теперь стоит клерикал Кийпер. Клерикальная партия Голландии состоит из двух больших частей: кальвинистов и католиков. Обе партии выставляют на вид свои христианские принципы, а в сущности концентрируют вокруг себя наиболее отсталые слои земледельческой и промышленной буржуазии. Прежде господствовала в Голландии либеральная партия, но в последнее время, с расширением избирательного права, влияние клерикалов усилилось, что вполне понятно, так как на их стороне всегда оказывались всякие мелкие буржуа, пропитанные религиозными предрассудками и заинтересованные в том, чтобы повернуть назад колесо истории. И часть либеральной буржуазии была брошена в об'ятия клерикалов растущим социалистическим движением в стране. Мнимые христиане на почве религиозного фанатизма и ханжества успели привлечь на свою сторону и часть рабочего класса и организовать преданных им «овец» их класса в особое рабочее общество, так наз. «Патримониум» — послушное дитя кальвинисткой фракции. Это общество насчитывает до 10.000 членов. Кроме него существует еще целый ряд христианских рабочих ферейнов, противников современного пролетарского движения, основанного на классовой борьбе. И вот ныне христианское правительство у власти. Годы усиленной социалистической пропаганды не могли так ясно обнаружить все лицемерие клерикалов, как их собственные поступки. Борьба железнодорожных обществ заставила правительство сбросить с себя маску и показаться в своем настоящем виде. И вместо фраз о солидарности правительство прибегло к тому же кулаку, к той же военной силе, чтобы задавить протест рабочего класса в зародыше. Стачка железнодорожных рабочих имела такое же действие, как и землетрясение. Она вырыла глубокую пропасть между двумя классами, классом эксплоатируемых и эксплоататоров. Из этой пропасти прорвался наружу так долго тлевший классовый антагонизм и широким пламенем разлился по всей стране... Принужденные раз уступить, железнодорожные общества пытались вызвать раскол в существующем обществе рабочих. Особые агенты обращались к рабочим с предложением подписать заявление, что они возмущены последней стачкой и обещают больше никогда не бастовать. Из таких слабодушных элементов агенты пытались создать новую организацию штрейкбрехеров в противовес существующей. Их попытки имели, однако, крайне жалкий успех, наоборот число членов организации после стачки удвоилось и — что еще отраднее — существующие две крупных организации: одна из 2.500 человек (машинистов и др.), находившаяся под влиянием анархистов, и другая в 5.000 человек (кондуктора, рабочие), руководимая соц.-демократами, находятся на пути к слиянию. В настоящее время обе организации насчитывают до 12.000 человек.

Правительство, принявши все необходимые военные меры, решило раз навсегда покончить с возможностью повторения тех событий, которые разыгрались в конце января. В середине февраля стали распространяться упорные слухи, что правительство намерено внести в палату законопроект, ограничивающий свободу стачек. 21 февраля была поэтому созвана конференция из представителей от профессиональных и политических союзов, которая приняла следующую резолюцию: «Выслушав заявление союзов железнодорожных рабочих, решивших бросить работу для борьбы с законом, посягающим на свободу стачек, и решение федерации рабочих, занятых в транспортной промышленности, и других профессиональных союзов поддержать своих товарищей забастовкой, собрание решает создать особый комитет обороны. Задача этого комитета поднять самую широкую агитацию в стране для защиты свободы рабочих; собрание обращается ко всему нидерландскому пролетариату с воззванием присоединиться к организованным рабочим для совместной борьбы».

Комитет состоит из двух представителей от железнодорожных рабочих, двух представителей от рабочих, занятых в транспортной промышленности, и по одному представителю от национального рабочего секретариата, соц.-

демократической партии и свободных социалистов (анархистов).

Комитет оправдал возложенные на него надежды и повел усиленную агитацию в стране.

Между тем правительство внесло свои законопроекты в палату депутатов. Этими законопроектами вводится наказание (до 6 мес. тюрьмы) за всякого рода «принуждения» (принуждение — штрейкбрехера бросить работу), воспрещаются стачки всем железнодорожным служащим и рабочим под страхом тюремного заключения до 4—6 лет; за то и другое «преступление», сверх того, может быть постановлено судом лишение политических избирательных прав, наконец, один законопроект имел целью образование особой военной «железнодорожной бригады» для занятия мест стачечников. Буря возмущения, вызванная опубликованием правительственного законопроекта, не поддается описанию. «Комитет обороны» решил распространить по всей стране 200.000 воззваний и организовать местные комитеты для руководства агитацией на местах.

4 марта в Амстердаме состоялся колоссальный митинг, собралось более 6.000 человек. Сотни не могли попасть в зал, и им пришлось собраться в другом месте. В воскресенье, 8 марта, состоялось по всей стране 42 собрания для протеста. Даже нидерландский союз рабочих, находившийся под влиянием либерально-демократической фракции, подал протест в палату депутатов. Различные профессиональные союзы решили по первому знаку вступить в стачку, если это понадобится. В Амстердаме состоялось собрание, на котором присутствовало 10.000 человек. На этом собрании было принято аналогичное решение. В то же время репрессии со стороны правительства и капиталистов шли своим чередом. Военные приготовления все усиливаются. Милиция обучается стрельбе. Чтобы отвратить солдат от посещения народных собраний, заботливое начальство стало устраивать для них представления с музыкой в казармах. Но это не всегда помогало. Социал-демократия, пользуясь удобным моментом, стала, усиленно распространять воззвания к солдатам и милиционерам. В этих воззваниях выяснилось значение законопроектов и солдаты призывались не стрелять в своих братьев в блузе, борющихся за лучшую жизнь. Милиционеры, призывавшиеся к службе, иногда сами устраивали собрания и принимали резолюции, в которых выражали сочувствие восставшим рабочим. Некоторые отделения союза матросов организовали тоже ряд митингов для выражения своего сочувствия. Распространители «возмутительных» прокламаций к военным и ораторы на собраниях солдат — не только рабочие, но и учителя — были привлечены к суду; некоторые были даже арестованы. Два народных учителя, распространявшие соц.-дем. воззвания, были смещены на месяц со своих должностей «за то, что занимались делом, не подобающим их общественному положению, как наставников юношества». Одно отделение «Союза учителей» протестовало против такого насилия над политическими убеждениями своих членов.

Часть христианских рабочих союзов также присоединилась к общим протестам. В то же время, благодаря усилиям клерикалов, всюду стали возникать под христианским знаменем ферейны штрейкбрехеров, в особенности среди железнодорожных рабочих. Эти попытки не увенчались, однако, желанным успехом. Один такой союз железнодорожных рабочих «Право и обязанность» собрал в Утрехте собрание своих приверженцев со всей страны. Было не более 500 человек. Собрание послало приветственную телеграмму королеве с уверением, что оно употребит все усилия, чтобы поддержать порядок на железных дорогах. На некоторых собраниях (в Ротердаме, Гарлеме и др. городах), созванных аналогичными христианскими (!) союзами, противникам законопроектов удавалось привлечь на свою сторону большинство собрания и провести резолюцию противоположного характера. По закрытии таких собраний присутствовавшие расходились с пением социалистического марша.

Против правительственного законопроекта высказались и некоторые либерально-демократические элементы. Группа профессоров, ученых и писателей опубликовала протест против законопроекта. Конечно, рабочие не могли рассчитывать на активную поддержку со стороны этих заступников, так как последние, протестуя против параграфов, запрещающих стачки, высказывались в то же время за организацию железнодорожной бригады для поддержания правильности сообщения в случае «беспорядков», т. е., попросту говоря, за организацию штрейкбрехеров.

Чтобы несколько успокоить возбужденное общественное мнение, правительство смягчило некоторые статьи проекта, не изменяя его по существу. И этого оказалось достаточным, чтобы все партии, кроме социалистов и нескольких демократов, высказались в палате за законопроект.

Считаясь с этим настроением палаты, Генеральный Комитет Обороны решил прибегнуть ко всеобщей забастовке.

(Продолжение следует.)

ФРАНЦИЯ.

С'ЕЗД ЖОРЕСИСТОВ В БОРДО.

Finita la comedia! — то бишь, суд над бывшим министром торговли Мильераном; а судить его собрался с'езд жоресистов или «французской социалистической партии» (жоресисты — такие же социалисты, как наши «социалисты-революционеры» — социалисты-революционеры).

Когда среди сторонников Мильерана «раздался клич отрадный»: на суд его! на суд, злодея! — всем истинным друзьям французского пролетариата казалось, что, наконец-то классовое сознание начинает проникать в умы и той части рабочих, которых до сих пор держали в умственном и политическом плену всякие Жоресы и К°; казалось, что рабочие, заблудшиеся в метафизических бреднях и политических интригах французских оппортунистов, вернутся, наконец, к своей, классовой партии, т. е. об'единенной партии гедистов [16] и бланкистов. Но, увы! видно, время этому еще не настало, видно, истинным французским социалистам предстоит еще немалая работа пропаганды...

Собрались же судить Мильерана, с верховного согласия Жореса, вот за что: он вотировал в палате депутатов за бюджетную статью по содержанию духовенства, за запрещение солдатам посещать биржи труда, за судебное преследование социалистической книжки, которая вела агитацию среди солдат, п р о т и в всеевропейского разоружения (по инициативе Франции), и т. д.

Жорес, сам Жорес, умеренный, практичный, благоразумный Жорес, не одобрил тактики Мильерана, выразил порицание его голосованиям. Как! как раз в тот самый момент, когда Жоресу удалось революционной фразой усыпить революционный дух пролетариев, когда после долгих усилий ему удалось идеал революции подменить идеалом реформы! Как! как раз в тот самый момент, когда Жорес сводит классовую борьбу пролетариата на... борьбу вместе с Комбом, против монашеских конгрегаций, на..., борьбу вместе с Николаем II за «всеобщий мир», на..., борьбу с Рейнаком и Ив-Гюйо... за Дрейфуса... в этот самый момент откровенный Мильеран публично раскрывает тщету революционной фразы, имеет бестактность публично говорить и писать, что реформа значит — реформа, а не революция, что отделение церкви от государства, всеобщий мир и Дрейфус — такие далекие, далекие идеалы, что осуществление их возможно разве только в трехтысячном году, что в данное время дело социалистической партии — собирать возможные при данном строе крохотные крошки крохотных реформ...

Вот за эту-то бестактность и решили Жорес и К° предать бывшего министра торговли суду.

214 делегатов со всех концов Франции с'ехались в Бордо судить Мильерана. Многим федерациям начало казаться слишком подозрительным это постоянное отдаление от социалистических принципов, это неуклонное спускание «со ступеньки на ступеньку»; воты Мильерана начали раскрывать им глаза на внутреннюю сущность «нового метода». Они — эти федерации — думали, что ради спасения всего тела надо немедля ампутировать зараженную гангреной ногу, ради спасения партии надо исключить из нее Мильерана.

Но не так мыслили Жорес и солидарные с ним федерации. Для них исключение Мильерана означало в принци-

пиальном отношении — осуждение всей реформистской тактики, основанной на заигрывании с буржуазными партиями и на участии в буржуазных министерствах; в организационном отношении — раскол среди партии, присоединение большинства федераций к партии гедистов.

Предавая Мильерана суду, Жорес хотел лишь одного — обуздать во имя «партийной дисциплины» откровенного до бестактности Мильерана, сгустить в глазах пролетариата начинавший немного рассеиваться туман, упрочить позицию оппортунизма.

Это ему и удалось. После долгих и довольно-таки бессвязных дебатов за резолюцию Реноделя, предлагающую исключить Мильерана, высказались всего 89 голосов, а резолюцию Жореса, просто принимающую во внимание заявление Мильерана, что отныне он явится образцом дисциплины, подано 1093 голосов. Между прочим, Жорес не преминул еще раз повторить в резолюции свою вечную песню о том, что «социалистическая партия есть партия свободной мысли и постоянных научных изысканий».

ИЗ ПАРТИИ

Одесский Комитет просит поместить следующее заявление:

Одесский Комитет считает важнейшей задачей, выдвинутой в настоящий момент перед революционной социал-демократией России, программное, тактическое и организационное об'единение действующих сил, стоящих во главе борющегося пролетариата. Это об'единение дает возможность покончить с остатками экономизма и кустарничества и придает партии прочность и силу.

«Искра» с первых шагов шла навстречу этому об'единению, вырабатывая принципиальную выдержанность и руководя деятельностью революционной социал-демократии.

Выражая полную свою солидарность со взглядами «Искры» и признавая ее своим руководящим органом в этих взглядах, Одесский Комитет сожалеет, что «Искра» мало уделяла внимания вопросам о судьбах и задачах окраин и выражает желание дальнейшей разработки аграрной программы.

Мы получили следующее письмо:

По поводу одного заявления.

Многоуважаемые товарищи! прошу не отказать мне в помещении этих строк в вашем органе.

В № 114 «Последних Известий» Бунда напечатано заявление одесских «организованных приказчиков», в котором они утверждают, что они вовсе не вчерашние сионисты [17] (как они названы в корреспонденции № 34 «Искры»), а наоборот, даже участвовали в составлении — Ю. Р. Г. С.-Д. Поэтому они, т. е. «организованные приказчики», клеймят одесского корреспондента и «Искру», — первого за клевету, почему он их назвал вчерашними сионистами, а вторую за то, что она печатает разные измышления, «компрометирующие Бунд и подрывающие к нему доверие».

Позвольте мне, товарищи, высказаться по поводу этого заявления. Я, как живший долгое время в Одессе, знакомый с ее движением, знающий даже среду приказчиков, не могу пройти этот факт молчанием. Итак, весь сыр-бор загорелся из-за выражения: «приказчики, вчерашние сионисты, сегодня сделались бундистами». Я не стану отрицать, что действительно некоторые приказчики принимали участие в Ю. Р. Г. С.-Д., но численность их была так незначительна, что самостоятельной организации приказчиков они никак не могли составлять. А, между тем, теперь такую организацию мы видим. Спрашивается, откуда же взялись остальные, где они были до сих пор? Я отвечаю. Остальные были до сих пор сионистами. Я знаю, что когда сионистское движение в Одессе находилось в самом разгаре, главное участие в нем принимали приказчики. Я знаю также, еще год тому назад, когда сионизм в Одессе уже почти сошел со сцены, когда редко можно было встретить сиониста из рабочей среды, единственными приверженцами сионизма были приказчики. Затем, около полугода тому назад, когда сионизм в Одессе уже окончательно начал разлагаться, нередко можно было встречать между приказчиками «разочарованных сионистов», которые искали какую-либо работу на другой, не сионистской почве. Скоро у них начала замечаться нелегальная литература, а через некоторое время их можно было даже и встречать на рабочих собраниях. С тех пор прошло уже около пяти месяцев, и вот в 34 № узнаем, что они организовались и примкнули к Бунду. Теперь все это ясно. «Организованные приказчики» — это те же (бывшие) сионисты. Таким образом, одесский корреспондент был вполне прав, назвав одесских бундистов «вчерашними сионистами», хотя в этом ничего унизительного нет, даже наоборот. Суть дела только в том, что слова «вчерашние сионисты» не следует принимать в буквальном смысле. Теперь, очевидно, что «организованные приказчики» совершенно напрасно клеймят одесского корреспондента именем клеветника.

«Вчерашний» одессит.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Получено: Через Женеву: 1) за литературу из Ма. 14 фр., 2) от Женевской группы 13,20 ф., 3) из Нанси 8 ф., то же для Кр. Кр. 2 ф., 4) от Цюрихск. Сиб. Кассы для А-ка 40 ф. Из Брюсселя 199,20 ф., на изд. сборника стихотв. 146,60 ф. Получено из М. и передано по назначению 870 ф.

Адрес № 6 отменяется.

Ростов. Письмо, корр. и листок получены, годен ли старый адрес?

Л. Л. Корр. и деньги получены. Пришлите новый адрес для писем.

Эмбриону. Отчего ничего не пишете?

Автору письма за подписью Глассон. Большое спасибо за корр., письма не можем прочесть, перешлите скорее шифр.

Аристократам. Письмо получено и прочтено. Листки тоже получ., все будет исполнено.

Буке. Получено, используем по возможности.

Корреспонденции из Москвы, Твери, Вильны, Астрахани, Воронежа, Прохоровских рудников, Луганска и Мариуполя отложены за недостатком места.

Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться по след. адресу:

Herrn Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9.

Типография «Искры».

ПРИМЕЧАНИЯ.

Прим. 1. Министерство государственных имуществ было учреждено в 1836 г. Во главе его стал гр. Киселев П. Д. (1788 — 1872), получивший таким образом в свое ведение устройство 9 миллионов государственных крестьян.

Прим. 2. Николай — он — псевдоним Н. Ф. Даниэльсона (1844 — 1918), одного из наиболее видных представителей народничества 80 — 90-х годов. Являясь переводчиком на русский язык «Капитала» К. Маркса, Н.—он находился в оживленной переписке с Марксом и Энгельсом. Вследствие этого в глазах широкой публики долго считался представителем марксизма. Книга «Очерки нашего пореформенного хозяйства» была издана им в 1893 году и явилась, наряду с работами В. В., главным экономическим обоснованием народничества.

В разгоревшейся полемике между народниками и марксистами книга Н.—она подверглась уничтожающей критике со стороны Струве, Плеханова и Ленина («Развитие капитализма в России», Собр. соч., т. III).

Прим. 3. Комиссия по изучению положения сельского хозяйства в России (1873 г.), известная под именем «Валуевской комиссии», была создана, в связи с угрожающим ростом податных недоимок со стороны крестьянства, по инициативе и под председательством министра государственных имуществ Н. А. Валуева. Комиссия пришла к выводу об отрицательном влиянии «круговой поруки» на крестьянское хозяйство. Работы этой комиссии на правительственную политику никакого влияния не имели. Ее единственным результатом было издание нескольких томов «Трудов».

Прим. 4. Галлифе (1830—1909) — французский генерал, один из главных участников подавления Парижской Коммуны 1871 г., прославившийся своей жестокостью. С 1899 г. по 1902 г. был военным министром в кабинете Вальдек-Руссо, где пост министра торговли занимал «социалист» Мильеран.

Прим. 5. Жоресистские федерации — «Федерация независимых», во главе которой стоял Жорес. Возникла после раскола социалистической рабочей партии на Сень-Этьенском конгрессе 1882 г. В отличие от последовательных марксистов, руководимых Ж. Гедом, жоресисты представляли собою оппортунистическую часть французского социалистического движения. Проповедуя необходимость сотрудничества с буржуазией и надеясь путем компромиссов добиться проведения реформ для «инфильтрации социализма в капитализм», они в то же время симпатизировали синдикализму. (См. «Искра» № 38, «С'езд жоресистов в Бордо».)

Прим. 6. Брешко-Брешковская Е. К. (р. в 1847 г.) принимала участие в народническом движении 70-х годов. Впоследствии играла видную роль в партии эсеров, примыкая к ее правому крылу. В настоящее время находится в эмиграции и является одним из наиболее непримиримых врагов СССР.

Прим. 7. Чигиринское дело — попытка группы землевольцев во главе с Я. Стефановичем (о нем см. прим. 9-е к № 29 «Искры») поднять восстание среди крестьян Чигиринского уезда (Киевской губ.), недовольных неудовлетворительными формами землепользования. Так как крестьяне связывали свои надежды с именем царя, то Стефанович, желая войти в их доверие, воспользовался царским именем и подложной царской грамотой. Попытка произвести вооруженное восстание оказалась неудачной и потерпела провал. В августе 1877 г. были арестованы Стефанович и соучастники этого дела Дейч и Бохановский. Всего по делу было арестовано 900 человек. Крестьяне по суду в большинстве были оправданы, а Стефанович с Дейчем и Бохановским бежали из тюрьмы за границу. Использование царского имени в революционных целях было впоследствии осуждено «Черным Переделом», а со стороны крестьян мистификация Стефановича вызвала сильнейшее негодование.

Прим. 8. Ветровская демонстрация—см. прим. 4-е к № 31 «Искры».

Прим. 9. Кибальчич Николай Иванович (1854—1881) — народоволец. Образование получил сначала в Институте инж. путей сообщения, затем в Медико-Хирургической академии. В 1878 г. впервые приговорен к тюремному заключению и высылке. за хранение нелегальной литературы. Возвратившись в Петербург нелегальным, посвящает себя революционной работе. С возникновением «Народной Воли» становится членом ее Исп. К-та и заведует динамитной лабораторией. Участвовал во всех террористических актах партии. Казнен 3 апреля 1881 г. по делу 1 марта (убийство Александра II).

Прим. 10. О «Земле и Воле» см. прим. 6-е к № 26 «Искры».

Прим. 11. Гарибальди Джузепе (1807—1882) — популярный итальянский революционный деятель, герой национально-освободительного движения, руководивший всеми попытками революционного об'единения Италии, был вождем революционных батальонов, начавших борьбу с Австрией за национальную и политическую независимость Италии. В 1870 — 1871 гг. Г. участвовал на стороне Франции во франко-прусской войне.

Прим. 12. «Освобождение»—нелегальный двухнедельник, орган либеральной земской оппозиции; выходил за границей (Штуттгарт, Париж), под редакцией Струве П. Б. с 1 июля 1902 г. по 18 октября 1905 г. (№ 79). Будучи самым влиятельным органом среди либеральной интеллигенции и либеральных земцев, «Освобождение» своей деятельностью подготовило почву для образования конституционной демократической (кадеты) партии.

Прим. 13. О старо-фенноманах см. прим. 14-е к № 33 «Искры».

Прим. 14. Под именем Уральского союза известна, действовавшая на Урале в 1902—1903 гг., «Восточная группа Уральского союза с.-д. и с.-р.». Эта организация, состоявшая в большинстве из учащейся молодежи, имела связь со многими уральскими заводами и развила значительную подпольную издательскую деятельность. Отсутствие четкости в идейной платформе Уральского союза и его обособленность от Р.С.-Д.Р.П. вызвали отрицательное отношение к нему со стороны «Искры» (см. «Искру» № 21, «Из партии»). В 1903 г. в Екатеринбурге из отдельных с.-д. кружков „был организован Средне-Уральский Комитет Р.С.-Д.Р.П., который опубликовал нижеследующее заявление: «По постановлению с'езда Уральского союза с.-д. и с.-р. этот Союз прекратил свое существование. С ведома и согласия Организационного Комитета Р.С.-Д.Р.П. и при его поддержке в районе Ср. Урала образовался Средне-Уральский Комитет. Он солидарен в своих воззрениях с „Зарей“ и с „Искрой“».

Прим. 15. О бойне в Златоусте см. корреспонденцию «Златоуст» в № 39 «Искры» (стр. 38).

Прим. 16. О гедистах см. прим. 5-е к № 18 «Искры».

Прим. 17. Сионисты — еврейская буржуазная реакционно-националистическая организация, стремившаяся к созданию в Палестине еврейского государства и переселению туда всего или значительной части еврейского народа.